

ЗАГОВОР

ГОРДЫХ

НИКИФОР

МАЛЕИН

Никифор Малеин
Заговор гордых.
Тайные хроники. Том 1

«Издательские решения»

Малеин Н.

Заговор гордых. Тайные хроники. Том 1 / Н. Малеин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903705-3

В Византийской Империи настали смутные времена. Чтобы не пасть жертвой интриг, трое юношей вынуждены бежать из тихого провинциального поместья и скрываться в Константинополе. Однако и там они оказываются в центре заговора, способного оборвать их жизни. Перед глазами читателя разворачивается не только череда невероятных приключений, но и удивительный мир Византии, с ее красотами и чудесами, страстями и величием духа. Впервые на русском языке!

ISBN 978-5-44-903705-3

© Малеин Н.
© Издательские решения

Содержание

От переводчика	6
Разумеется, рукопись	7
ЧАСТЬ I	10
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	46
ЧАСТЬ II	60
Глава 6	60
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Заговор гордых Тайные хроники. Том 1

Никифор Малеин

© Никифор Малеин, 2018

ISBN 978-5-4490-3705-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От переводчика

Разумеется, рукопись

«Все мы поработаны духу времени, и никто из нас не способен освободиться от него своими собственными силами. Единственное средство, которое у нас есть – это чтение древних книг».

Клайв Стейплз Льюис

Новый 2013 год я встречал в Стамбуле. За неделю до конца старого года смска неожиданно сообщила, что я стал богаче на шестизначную сумму – одно крупное издательство закрыло свои долги передо мной. Никаких планов на 31 декабря у меня не было, поэтому я решил осуществить давнюю мечту – побывать в Городе на Босфоре. Пять дней спустя я летел в Турцию, чтобы встречать Новый Год за столиком на Галатском мосту – наслаждаться фейерверками, рыбой, раками и вином.

Праздники пролетели. Наступил день отъезда домой. Я собрал чемодан, сел у окна гостиницы и вдруг понял, что не хочу уезжать. Шум моря, крики чаек, гул восточной толпы – все ласкало слух, убаюкивало и дышало чем-то настоящим, давно утраченным в Москве. Я попал в крепкие, ненавязчивые объятия Города, и решил остаться.

Целыми днями я слонялся по узким улочкам, желая напитаться их ароматом и узнать, о чем они молчат. Иногда это удавалось. Как-то раз торговец провел меня за десять долларов в подвал своего магазина, который оказался... комнатой Большого Дворца византийских императоров, с отлично сохранившимися напольными мозаиками. В другой раз старик с седыми усами-щетками показал обрушившийся подземный тоннель. Я ощутил себя ныряльщиком, достающим жемчужины из реки времени. Поиски Утраченного Города превратились в увлекательное приключение.

Поздним февральским вечером я возвращался в гостиницу с пустыми руками – Город осерчал на меня за что-то и оставил в тот день несолоно хлебавши. Шагах в пятидесяти от отеля находился книжный развал. Каждый день бойкий молодой человек предлагал мне то Яшара Кемаля на турецком, то Льва Толстого на английском, но я с улыбкой отказывался. Однако он не терял надежды продать хоть что-то «прижимистому русскому». Турок уцепился за мою руку и принялся уговаривать посмотреть на «уникальный книга». Я высвободился отработанным движением и хотел было двинуться дальше, но взгляд упал на старый роскошно оформленный фолиант, на котором буквами в стиле модерн было выведено: «Nikephoros Maleinos. Secret Chronicles¹». В груди сладостно заныло.

Я небрежно взял книгу и полистал ее. Первое, что бросилось в глаза – изумительные цветные иллюстрации: подземелья с черепами, морская осада города, обнаженные царевны в драгоценных коронах... Затем я взглянул на титульную страницу и понял, что держу в руках издание 1901 года лондонской компании George Routledge & Co. Оказалось, что это первый из трех томов сочинений византийского автора XV века Никифора Малеина. Турок предложил все три книги за триста долларов. Я долго торговался, и, в конце концов, мой кошелек стал легче на сто двадцать долларов.

В номере я долго разглядывал картинки, а перед сном решил осилить несколько страниц текста. После первой главы я прочел вторую, затем третью, четвертую... и не заметил, как наступило утро. Сочинение средневекового автора ока-

¹ Никифор Малеин. Тайные хроники (англ.).

залось захватывающим приключенческим романом. Я открыл ноутбук, и, по старой профессиональной привычке, стал сразу переводить книгу на русский.

Перевод третьего тома я закончил вечером первого июня, и пошел размять затекшую спину. Однако через несколько сотен метров путь мне преградили баррикады. По улицам ходили возбужденные молодые люди и что-то кричали. На каждом шагу попадались иностранные корреспонденты с камерами. На площади Таксим начались волнения, и быстро перекинулись на весь город. Когда на соседних улицах раздались выстрелы, я поспешил в гостиницу, собрал вещи и первым же рейсом вылетел в Москву.

Дома я обнаружил, что в спешке забыл трехтомник Никифора Малейна в номере. Я принялся звонить в отель, но ресепшюнсит раздраженно ответил, что никаких книг они не находили, и бросил трубку. Поразмыслив, я отправил письмо в британский издательский дом Routledge с вопросом – где я могу найти копию «Тайных хроник»? Полученный ответ меня ошеломил: «У нас нет никакой информации об этом произведении. Любезно просим выслать нам фотографии упомянутых Вами книг и скан-копии титульных листов».

Я совершенно растерялся. Англичане известны своей педантичностью. К тому же Первая и Вторая Мировые войны не добрались до их острова. Архивы остались в неприкосновенности. При желании любой подданный Туманного Альбиона может проследить свою родословную на несколько веков назад, подержать в руках церковную книгу с записью о крещении его прапрапрадедушки, и отыскать в совете графства купчую на фамильный дом от 1743 года. Невозможно представить, чтобы издательство «потеряло» данные о выпущенной им книге. Стало быть, это подделка? Но от книги явно веяло ароматом прошлого. Да и зачем тратить огромные усилия на сочинение, иллюстрации, печать, застаривание бумаги? Чтобы продать потом три тома за сто двадцать долларов? Или это какая-то мистификация начала XX века? Тогда должны найтись и другие экземпляры книги.

Я обыскал все просторы интернета, встретился с ведущими русскими византистами и специалистами по английской истории начала XX века, но о Никифоре Малейне и его книгах никто не знал. Оставалось последнее средство: в сентябре, когда эхо турецких беспорядков утихло, я вновь отправился в Стамбул. Но поиски остались бесплодны – в гостинице о потерянной книге никто не помнил. У книжного развала вместо молодого парня стоял грузный угрюмый мужчина. Предприимчивые турки готовы были продать любые старые книги, кроме тех, что были мне нужны. Воды времени безжалостно сомкнулись над «Хрониками». В моих руках остался лишь русский перевод английского перевода греческого писателя.

Я прекратил поиски и вернулся к обычной московской жизни. И вот, когда эпопея со странной книгой стала забываться, ее автор сам нашел меня. В 2016 году я уговорил своих друзей фотографов взять меня в поездку на гору Афон. В Великой Лавре принимавший нас монах рассказал об основателе этой обители Михаиле Малейне, и между делом упомянул, что в 1481 году здесь принял иноческий постриг другой представитель этого знатного рода – Никифор Малейн. Я ухватил афонита за край рясы и стал расспрашивать. Оказалось, что в архивах Святой Горы хранится письмо Никифора к одному из монахов Великой Лавры. Однако показать его мне наотрез отказались.

Путь домой лежал через Флоренцию – мне предстояло провести три дня в «Колыбели Возрождения». Первым номером моей экскурсионной программы значилась Галерея Уффици – один из старейших музеев Европы, славящийся богатой коллекцией. В зале временных выставок мой взгляд упал на какую-то книгу, и вне-

запно по спине пробежала дрожь. Не понимая причины этого, я стал вглядываться в пожелтевшие страницы. Раскрытый том был Индексом запрещенных книг – списком публикаций, запрещенных к чтению и изданию Римской Католической Церковью. В перечне имен и названий я вдруг увидел «Тайные хроники» Никифора Малеина. Я вскрикнул от неожиданности, причем так громко, что посетители принялись недовольно разглядывать меня.

Древность «Хроник» не вызывала более сомнений. Также стало ясно, почему о них не знают профессиональные византилисты – книги, запрещенные Папским Престолом, невозможно было издать официально, а обнаруженные «контрафактные» экземпляры уничтожались.

Оставался лишь вопрос с исчезнувшим лондонским изданием 1901 года. Как известно, Великобритания – протестантская страна. Католические запреты на ее территории не действуют. Кому нужно было уничтожать безобидный, на первый взгляд, исторический роман?

Не найдя ответа на этот вопрос, я решил опубликовать свой перевод «Тайных хроник», и отослал рукопись в российские издательские дома. Одно за другим, пять издательств предложили мне подписать контракт. И все пять разорвали договор сразу после заключения, без объяснения каких-либо причин. Первый раз мне сообщили об этом по телефону. Второй – смской. Третий – по электронной почте. Представители двух последних просто перестали выходить на связь. Через общих знакомых до меня дошли слухи, что руководителям издательств звонили откуда-то «сверху», и после этого любые контакты со мной прекращались.

Пришлось прибегнуть к последнему средству – распространять книгу через интернет. Уверен, что читатели помогут раскрыть тайну, которая не дает покоя безымянным и могущественным силам уже более пятисот лет.

Всегда Ваш,
Переводчик.

ЧАСТЬ I

Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою

Глава 1

Львиный камень

Долго спать он не мог. Четырех часов вполне хватало, чтобы восстановить телесные и духовные силы. Да и каждое утро, ровно за два часа до рассвета, начинала ныть левая нога, пронзенная много лет назад копьем варвара. Голеня тогда почернела, распухла, и врачи опасались, что придется прибегнуть к *amputatio* – отсечению, но Господь миловал, обошлось. Только каждое утро приходится платить увечной конечности дань – разминать ее, выгуливать, давать нагрузки. Но эта обязанность была даже приятной.

Гонорий любил встречать рассвет, вдыхая прохладный горный воздух, наблюдая, как светлеет небо, гаснут звезды, и на верхушки конусообразных каменных холмов падают первые лучи солнца. Вот и сегодня, встав затемно, он выскользнул из своего огромного дома и засеял по садовой дорожке между голых веток каштанов, акаций и пихт, посеребренных инеем. Из верхней одежды надел лишь темно-зеленую плотную тунуку, и, чтобы согреться, перешел на бег. Раз, два, три, четыре – вдох носом. Раз, два, три, четыре – выдох ртом. Раз, два, три, четыре – вдох. Раз, два, три, четыре – выдох. Как в солдатской молодости, только без тяжелых доспехов и оружия.

За деревьями показалась базальтовая стена, защищающая поместье, и четырехугольная башня. Гонорий подбежал к ступеням, сооруженным на внутренней стороне укрепления, не замедляя ход, поднялся вверх на три сажени², и продолжил бег по стене. Ледяной ветер растрепал его рано поседевшие волосы, проник под одежду, зацепил жилистое, сухощавое тело. Бывший военачальник улыбнулся, и прибавил ходу. Раз, два, три, четыре – вдох. Раз, два, три, четыре – выдох. Раз, два, три, четыре – вдох. Раз, два, три, четыре...

У третьей башни аристократ остановился и замер на несколько мгновений в предвкушении одного из самых любимых моментов дня, словно перекачивал драгоценное вино по языку, чтобы надолго сохранить послевкусие. Затем задорно вложил два мизинца в рот и молодецки, залихватски засвистел. Башня ожила, заухала, заволновалась, наполнилась шелестом и плеском, и из квадратных окошек на холмы с террасами виноградников стал выплескиваться пернатый поток. Черные голуби с белыми шеями и грудками, вперемешку с песочно-рыжими, взмывали в светлеющее небо, носились над домами, подхлестываемые звонким свистом хозяина поместья.

Гонорий наблюдал за своими любимцами и тихо смеялся. Что-то было в их движениях, в слаженном едином полете такого, что заставляло сердце сжиматься от радости и счастья, наполняло жизнь смыслом и покоем. Стая пролетела над стеной и зарезвилась над каменистой долиной, которая, как чаша, медленно наполнялась игристым солнечным светом.

Гонорий потер озябшие руки, подзадорил голубей напоследок, и побежал дальше по стене. Обогнув виноградники, он спустился в имение. Последнюю часть пути к колодцу проделал «галопом», во всю прыть, чтобы хорошенько вспотеть.

Тунука, нижняя рубаха, штаны и сапоги упали на землю. Деревянное ведро полетело в шахту колодца, с треском взломало ледяную корку и так же быстро взмыло вверх. Владелец поместья перекрестился и окатил себя обжигающе холодной водой.

² Три сажени – около пяти с половиной метров.

– Вот так! – крикнул он. От его тщедушного на вид тела повалил пар, стало жарко, как в бане. Теперь можно было неспешно одеться в сухое, и размеренно пройти до дома, наслаждаясь покоем, одиночеством и своими мыслями. Через полчаса явится с утренним докладом управляющий Юстин. Сотни срочных и безотлагательных дел займут хозяина поместья «Львиный камень» до позднего вечера, и если не впитать сейчас эту девственную, звенящую тишину, то весь день пойдет насмарку – будешь раздражительным, злым, обязательно упустишь что-нибудь важное или испортишь элементарную работу.

Гонорий побрел мимо винного склада в сторону церкви, возвышавшейся в самом центре имения. Серебряный крест над черепичным куполом потемнел от времени – нехорошо, нужно почистить. Аристократ осматривал свое владение взглядом ревнивого мужа, и думал, что не зря проживает жизнь – везде царили порядок, разум и красота. В конюшнях стояли лучшие во всей Каппадокии³ рысаки, в подвалах хранились бочки с золотистым, черным и белым винами, которые продавались даже в столице. Крестьяне, слуги и рабы жили вольготно. Каждый знал и любил свое дело. Поместье работало, как клепсида – водяные часы, стоящие на площади Юстиниана в Ниссе⁴.

«Но с другой стороны, так ли уж много я сделал для «Львиного камня»? – По лбу Гонория пробежала тень. «Получил эту землю мой прадед, Терций из Равенны, редкостный авантюрист и хитрец. Втерся в доверие к наместнику, наобещал золотых гор, заручился его рекомендацией к императору, и перебрался в Константинополь. А о своем прежнем благодетеле забыл, как только увидел Босфор и Великую Церковь. У меня в архиве сохранились двадцать три письма из полутора сотен, отправленных прадеду наместником, и ни на одно он не ответил. Надо будет перечитать их и составить жизнеописание основателя нашего рода. Получится выразительней, чему у Гомера! Юленьке и мальчишкам понравится». – Гонорий улыбнулся и довольно хмыкнул.

«В Константинополе Терций сразу оказался в центре заговора против императора Анастасия⁵, причем пользовался полным доверием высших сановников, поднявших бунт. Когда же мятеж достиг своей высшей точки, предок переметнулся на сторону «законной власти» и оказал «неоценимую помощь» в аресте бунтовщиков.

Благодарность императора не знала предела – титулы, почести и деньги полились, как из рога изобилия. Прадед покупал дворцы десятками, рабов тысячами, устраивал такие пиры, о которых вспоминали даже после его смерти. Среди прочего за баснословную сумму он приобрел деревню на окраине Малой Азии⁶, в горной провинции Каппадокия. Какой-то ловкач убедил Терция, что под камнем, напоминающим своими очертаниями львиную голову, находятся большие залежи золота.

О, как падок человек на золото! Помаша перед носом драгоценностями, позвени монетами, пусть блистание бриллиантов и сапфиров отразится в глазах! Пообещай легкую наживу, да к тому же такую, о которой не смел и мечтать – и человек твой. Делай с ним, что хочешь. Принесет все, что имеет, отдаст последнее за мечту о золоте. Хотел бы я посмотреть на того мошенника, что так искусно облапошил моего хитрого предка!

Поковырявшись в земле и убедившись, что его обвели вокруг пальца, прадед забыл о купленном участке на десять лет – пока сам не угодил в опалу и не потерял все состояние. Терций удалился в Каппадокию с женой и детьми, подальше от двора. Располнел, превратился в обычного провинциального землевладельца и посвятил остаток жизни воспитанию сына и четырех дочерей.

³ Каппадокия – провинция в юго-восточной части современной Турции.

⁴ Нисса – небольшой город в провинции Каппадокия. Ныне – г. Невшехир.

⁵ Анастасий I – император Восточной Римской Империи с 491 по 518 год. Снискал популярность подданных благодаря смягчению налогового бремени. Проявил огромную силу и энергию в управлении делами Империи.

⁶ Историческое название полуострова, нынче частью занимаемого Турцией.

Дед мой Агриппа принял «Львиный камень» в плачевном состоянии – земля обрабатывалась плохо, давала скудные урожаи, крестьяне работать не хотели. Разразившаяся Юстинианова чума⁷ и вовсе грозила превратить семью землевладельцев в семью землепашцев. Тогда Агриппа собрал последние деньги, и потратил их на снаряжение торгового каравана к далекому сказочному острову Тапробана⁸. Говорят, дома на нем из железа, украшены драгоценными камнями и жемчугом, а вокруг растут сахарный тростник и рис. Дед мой видел там живого риноцера – животное страшное и похабное. Из носа у него торчат рога, которые качаются из стороны в сторону при ходьбе, а когда он раздражен, то они напрягаются, становятся твердыми, как камень, в особенности передний рог. Им он может вырывать с корнем деревья. Неужто и правда Господь создал подобное существо, противное всякому естеству? Жаль, не увижу никогда своими глазами.

Чума не тронула Агриппу, в торговле сопутствовала удача, и до дома оставалось несколько недель пути, когда на караван напала банда разбойников. Деда и его ближайших помощников убили, остальных сделали рабами и увезли в Аравию. Лишь чудом одному юноше удалось бежать вместе с сокровищами, и невредимым добраться до «Львиного камня».

На привезенное золото поместье было превращено в жемчужину Каппадокии. Отец мой Авл разбил на каменистом плато тенистый сад, желая усладить свой взор среди унылого пейзажа. Он заманил в имение крестьян и слуг щедрыми подношениями, уютными домами и так почитаемыми среди римлян банями – термами. Были разбиты виноградники, устроены конюшни и выездка для лошадей. Но истинными шедеврами стали церковь Григория Нисского, построенная по лучшим столичным образцам, и господский дом, для украшения которого со всей Романии свозились мрамор, порфир, статуи, золото, жемчуг и шелк.

А что сделал я, Гонорий? Большую часть жизни провел в походах. Вернулся, когда мне было уже за сорок, и делу моих предков смог посвятить лишь шесть лет жизни. Ничего не построил, имения не расширил».

«Как это ничего не сделал?» – возразил сам себе помещик, оглядывая превосходно подстриженный куст азалии. «Я превратил „Львиный камень“ в идеально отлаженный механизм, который может соревноваться в совершенстве с механизмами Архимеда. Вложил прибыль в торговлю, купил корабли. Даже когда меня не станет, мои дети ни в чем не будут нуждаться. Хотя думать о смерти пока рановато. Поживем еще, потопчем эту землю!»

Гонорий вышел на большую круглую поляну, озаренную дюжинами светильников, и укрытую призрачной дымкой. В центре, несмотря на мороз, журчал и разбрызгивал воду фонтан. От него валил пар, который расплзался по поляне, укутывал ее туманом и оседал на деревьях белым инеем. Ветки и стволы были похожи на гигантские кораллы. Они мягко посверкивали в полумраке.

Под поместьем протекал источник с горячей водой. Он брал начало глубоко под землей, возле жарких дремлющих вулканов. По трубам вода поступала в особняк, в термы, и в этот фонтан – единственный, работавший круглый год.

На противоположном краю прогалины из тумана проступал изящный двухэтажный особняк. Между его колоннами прятались мраморные статуи – они сурово взирали на поляну, охраняя дом от непрощенных гостей. У входа фыркал и бил копытом вороной конь, привязанный к тумбе. «Какой красавец!» – Гонорий похлопал его по крупу, смахнул пену с шеи и почесал между глаз.

– Ты откуда взялся? – конь мотнул головой, заржал, но позволил чужаку приласкать себя, унюхав заядлого лошадику. – Бьюсь об заклад, во всей Малой Азии найдется не более пяти

⁷ Юстинианова чума – первая мировая эпидемия чумы, разразившаяся в 540—544 годах во время царствования императора Юстиниана Великого. Ее жертвами на Востоке стало около 100 миллионов человек, в Европе – до 25 миллионов. В столице Восточной Римской Империи Константинополе погибло 40% населения.

⁸ Тапробана – римское название острова Цейлон

человек, в чьих конюшнях водятся такие, как ты. Что, загнал тебя твой седок? – Жеребец закачал головой. – Ничего, я распорядюсь, тебя почистят, напоют и накормят. Узнаешь мое гостеприимство.

Землевладелец прошмыгнул через беломраморный сводчатый вестибюль в атриум, а затем, через неприметную дверь, в спальню. В личных покоях Гонорий не признавал роскоши и жил по-походному – только самое необходимое: кровать с медвежьей шкурой, кованный сундук, полки с книгами.

У дубового стола, заваленного бумагами, сидел управляющий Юстин, а возле него прискакавший издалека незнакомец. Взглянув на гостей, Гонорий невольно улыбнулся: сложно было представить более непохожих друг на друга мужчин. Юстин впечатлял своей основательностью, степенством. Седовласый, крупный, с гордой осанкой, чисто выбритыми вислыми щеками и недовольно искривленным ртом он напоминал брыластого мастифа. Гонец же был молод, поджар, со смоляными волосами и горящими черными глазами – вылитая гончая.

Контраста добавляла одежда: управляющий верил, что является живым символом поместья, поэтому даже на утренний доклад явился в вышитом золотыми нитями далматике⁹, кожаных сапогах с тисненными на голенищах львами, и с массивным рубиновым перстнем на мизинце. У незнакомца цвет и фактуру одежды было не разобрать – она была густо покрыта грязью, и сдобрена дорожной пылью.

При виде хозяина гости встали и низко поклонились.

– Господин, к тебе гонец из Константинополя – звучно произнес «мастиф». – Я пустил его сразу, поскольку известие не терпит отлагательства.

– Тебе повезло – обратился аристократ к всаднику. – Обычно Юстин сам принимает донесения и решает, что мне докладывать, а что нет. И если допускает какого-то посланника лично, то не раньше, чем отдраит его в термах и разоденет, как на прием к благословенному императору.

– Поместье твое держится на традициях, господин – мягко, но непреклонно возразил «мастиф». – Вытащи из основания один камень, и все здание рухнет. Я не могу этого допустить.

– Хоть я здесь и хозяин, но истинный владыка этого места – мой управляющий. – Гонорий снова улыбнулся, но гонца этот обмен любезностями не впечатлил. Он стоял, угрюмо глядя на владельца «Львиного камня». – Что за известие ты должен мне передать?

– Префект Востока¹⁰ Федор сообщает, что в столице раскрыт заговор против императора Фоки. Его участники схвачены, допрошены, и показали, что ты – один из заговорщиков. Фока приговорил тебя к казни и лишению имущества. Императорская гвардия будет здесь к вечеру, самое позднее – к следующему утру. Беги и увози детей.

Гонорий сжал кулаки и заскрипел зубами. Юстин моментально налил в чашу горячего вина со специями и подал господину.

– Как я могу быть заговорщиком? Я шесть лет не выезжал из поместья. Кто обвинил меня?

– Знаешь ли ты патрикия Германа, свата покойного императора Маврикия? – спросил гонец.

Германа знала вся Романия. Главной его чертой (если не считать безмерного честолюбия) было умение нравиться толпе. Для жителей столицы он регулярно устраивал бесплатные представления. На Пасху и Рождество раздавал богатую милостыню. В самом центре Константинополя, недалеко от резиденции градоначальника, он организовал собственное присутственное место, где принимал просителей. По городу ходили слухи, что за умеренную плату Герман

⁹ Далматик – верхняя одежда, плотная туника с рукавами до запястий.

¹⁰ Восток – самая большая провинция Восточной Римской Империи. Занимала территорию современных Болгарии, Турции, Сирии, Ливана, Израиля, Иордании, Египта. Ее правитель (префект) был одним из наиболее могущественных людей в Империи.

может решить любой вопрос. Где бы ни заводили разговор о патрикии, обязательно в компании находился человек, чья жизнь была бы спасена стараниями «великого человека». Завершались подобные беседы словами «Быть Герману следующим царем».

– Да, знаю. Год назад он был у меня в гостях.

– Ничего не было странного в его визите, господин?

Гонорий сник и зачесал седую голову.

– Наговорил он тогда... всякого. Будто зять его, Феодосий, сын покойного императора и наследник, не погиб, а чудесно спасся. Что вместо него убили другого – крестьянского сына, а сам он бежал в Персию, где скрывается и ждет момента, чтобы вернуть отцовский престол, занимаемый узурпатором. Герман просил помощи в отправке тайных посланий персидскому шаху. Я отказал. И так нахожусь в немилости при новом императоре.

– Так Феодосий жив? – радостно воскликнул Юстин.

– Сказки это все. Эзоповы басни. Герман воду мутит, чтоб сподручней было рыбу ловить. А может персы эти сплетни распускают, чтоб народ на свою сторону привлечь, и земли наши захватить. Не знаю. И не хочу знать. Я в эти игры не играю. Голова на плечах дороже.

– Скажи, господин, а не хотел ли Герман от тебя еще чего? – спросил посыльный.

– Денег хотел. Говорил, сильно поистратился.

– И ты дал?

– Дал. Два таланта¹¹ золота на пять лет.

– Когда Герману пригрозили пыткой, и потребовали назвать тебя участником заговора, он сказал, что ты давал золото для свержения узурпатора Фоки.

– Вот змей! Порождение ехидны! – захохотал управляющий. – Как смел он оклеветать человека, под кровом которого ел, пил, и в дружбе которому клялся?

– Юстин, остынь. Не время браниться. Время думать, как выбраться из передраги, в которую мы попали. Но перед этим скажи – обратился он к гонцу – как я могу доверять твоим словам? Ты не привез мне письма, написанного рукою Федора и запечатанного им. Наша с ним дружба широко известна. Как узнаю я, что твой приезд – не происки моих врагов?

– Письмо у меня было, но из Константинополя пришлось прорываться с боем. Я зарубил пятерых, однако лишился своей сумки. А то, что слова мои правдивы, докажет вот это – молодой человек протянул аристократу потертую золотую монету. Гонорий повертел ее в пальцах, перевернул. На одной стороне был изображен император Анастасий, на другой – львиная голова и крест.

– Да, все верно. Добрый знак. – Землевладелец подкинул монету большим пальцем, и она шлепнулась на массивную ладонь Юстина. – Оставь себе. Это одна из монет, отчеканенных моим прадедом в память о покупке поместья. У нее на реверсе вместо ангела изображен лев. Сохранилось только семь таких номисм¹². Все они хранятся у верных друзей нашего дома. Пусть одна будет и у тебя, Юстин.

Мастиф бережно, как величайшее сокровище, спрятал монету в пояс. Гонорий взял гонца за плечи и трижды поцеловал в щеки.

– Цари вознаграждают добрые вести, но армия научила меня другому. Истинной награды заслуживают горевестники, потому что предупрежденный вооружен. Как зовут тебя, друг?

– Гавриил, господин.

Аристократ открыл сундук и извлек из него тяжелый кожаный кошелек.

– Здесь сто золотых, Гавриил. Прими их в благодарность от меня. А сейчас обожди снаружи. Мне нужно поговорить с Юстином наедине.

¹¹ Талант – мера веса, равная 25,9 кг. В пересчете на современные деньги два таланта золота равны примерно двум миллионам долларов.

¹² Номисма – золотая монета, имевшая хождение в Византии. В пересчете на современные деньги равна примерно ста пятидесяти долларам.

Посланник благодарно склонился перед землевладельцем и вышел. Чувство опасности было для Гонория привычной покоей и расслабленности. Ощущение близкой битвы заставляло мысль работать ясно и четко.

– Труби в рог, старый вояка! Буди детей. Пусть слуги соберут их в дорогу. Объяви всем жителям поместья, что к вечеру у них будет новый хозяин. Пусть все, кто захотят, собирают пожитки и уходят в Ниссу. Рабов я отпускаю на свободу. Составь для них вольные письма. Уйдем через тоннель. Будь готов выступать через три часа.

– Идем в Александрию?

– Да. Попробуем сохранить нашу торговлю. Будут преследовать в Египте – уйдем в Карфаген. Я слышал Иракий, экзарх Африки¹³ сильно недоволен узурпатором. А там – как Бог даст. Поторопись.

Когда за Юстином закрылась дверь, Гонорий взял заостренный тростниковый стержень для письма, обмакнул его в чернила и стал быстро царапать угловатые буквы на папирусе. Надо было предупредить египетского управляющего Стилиана, чтобы он спасал торговые корабли.

Сзади раздался легкий шорох, в комнату проскользнул молодой слуга.

– Чего тебе? – не поворачивая головы, спросил хозяин.

– Господин, в доме гвардейцы...

Жирная клякса упала на письмо. В атриуме слышались звуки тяжелых шагов и бряцанье металла.

– Как, уже? Почему так скоро?

Гонорий скомкал недописанное письмо и на чистом листе набросал: «Они здесь. Немедленно уводи детей через тоннель. Я их задержу». Записку сунул в руку слуги и подтолкнул его к окну.

– Лезь в сад. Пробирайся к Юстину и отдай ему это. Только не попадись солдатам. Понял?

Слуги в поместье понимали господина с полуслова. Юноша юркнул в окно, ловко соскочил на землю и исчез за деревьями. Аристократ несколько раз подряд резко вдохнул и выдохнул – сердцебиение стало успокаиваться. Закрыл глаза, и, как перед всеми битвами с варварами, прошептал: «Господь – Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим. Если я пойду долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной. Ты приготовил предо мной трапезу на виду у врагов моих, умастил елеем голову мою. Чаша моя преисполнена». Перекрестил пальцем лоб, и вышел из комнаты.

Атриум был заполнен суровыми гвардейцами в полной экипировке – шлемах, красных плащах, чешуйчатых панцирях, с мечами, щитами и копьями. На скромно одетого Гонория никто не обращал внимания. Он прошел к пиршественному залу – черные металлические двери были распахнуты настежь, в огромном помещении мародерствовали экскувиты¹⁴ – одни снимали со стен старинное оружие, украшенное драгоценными камнями, другие выковыривали жемчужины из мозаичных стен, третьи вскрывали амфоры с изысканными винами. Прочие развалились на диванах прямо в доспехах и сапогах.

В центре зала стоял мускулистый офицер в лисьем плаще, и разглядывал египетский кинжал. Лицо его было сурово, словно вырублено из цельного куска гранита. Бритая голова обросла за недели путешествия короткими жесткими волосами. Ошутив на себе пристальный взгляд Гонория, он поднял глаза.

¹³ Африканский экзархат – византийская провинция, располагавшаяся на территории современных Ливии, Туниса, Алжира. Столицей являлся Карфаген. Во главе провинции стоял экзарх, совмещавший функции гражданского управления и военного командования.

¹⁴ Экскувиты – один из элитных отрядов императорской гвардии. Создан в середине V века императором Львом I Макеллой. Имели большое влияние, возвели на византийский престол ряд императоров. В VIII веке составили профессиональное ядро средневековой византийской армии.

– Вот он! Взять его! – скомандовал офицер. Двое стоявших у двери экскувитов бросились к землевладельцу, схватили его за руки и ударили несколько раз в живот. Гонорий беззвучно согнулся, попытался вдохнуть, закашлялся. Воины потащили его в зал и бросили на колени перед офицером. Мародерствующие оставили свое занятие и собрались вокруг. Бритоголовый командир присел на корточки, взял аристократа за волосы и потянул вверх.

– Радуйся, старый козлице. Помнишь меня?

– Помню, Аспар... – прохрипел Гонорий.

– Хорошо. Знаешь, кто тебя убивает и почему. Ты часто думал обо мне?

– Нет, Аспар. У меня были дела поважнее.

Офицер сдвинул тяжелые брови и отпустил голову пленника.

– А я часто. Каждый день. Ты оказался крепким камешком. Семь лет столичные покровители не давали тебя в обиду. Но настало время вернуть долг. – Аспар стал на одно колено, достал из ножен старинный египетский кинжал и легонько провел острием по щеке бывшего военачальника. Из алого разреза на мраморный пол закапала кровь.

– Надо же, острый... – лезвие уперлось пленнику в шею. – Страшно подышать?

– Нет... – проговорил Гонорий одними губами и спокойно посмотрел своему экзекутору в глаза. Тот встал и убрал оружие в ножны.

– Я так и думал. Подвешивайте!

Пленника толкнули ногой в спину, перевернули и связали ноги веревкой. Аспар налил себе в чашу вина, сбросил на диван лисий плащ, придвинул кресло поближе к месту будущей экзекуции и развалился в нем.

– Все эти годы я мог убить тебя в любой момент. Но ты ограбил меня на сто талантов золота. Я должен вернуть свои деньги.

Гвардейцы перекинули второй конец веревки через одно из колец массивной золотой люстры, свисавшей из-под мозаичного купола, и стали поднимать за ноги бывшего хозяина имения.

– К тому же смерть – это слишком легко. Ты должен помучиться. У тебя ведь есть дочь. Сколько ей сейчас? Пятнадцать? Шестнадцать? О, Юлия...

Лицо Гонория исказила судорога. Дочь всегда была его главным сокровищем. Сам он провел жизнь, как спартанец: ни плена, ни меча не боялся, спал с солдатами на голой земле, ел ту же чечевицу, что и они, запивал водой из ручья. Телесные мучения ему не страшны. Но дочь...

– Готовься, тебя ждет долгое представление. Солдаты скоро приведут ее. И твоих сыновей тоже.

Офицер допил вино, встал с кресла, пристегнул египетский кинжал к поясу и бросил экскувитам:

– Он ваш. Только аккуратно. Не калечить.

Аспар подошел к окну во внутренний двор с садиком, сцепил руки за спиной и застыл, задумался о чем-то своем. Оставшись без внимания командира, гвардейцы словно выдохнули – загалдели, заходили по залу. Сняли шлемы, поставили копья шатром, стали подтаскивать диваны к висящему пленнику и устраиваться на них, но кресло, на котором сидел офицер, осталось благоговейно пустым.

– Василиск! Помнится, ты хвастал, что можешь с семи шагов воробья кнутом разрубить – выкрикнул широкоплечий светловолосый воин. Он взял со стола с фруктами небольшое зеленое яблоко, протер его о плащ, подошел к Гонорию и вставил плод ему в рот. – Ставлю десять номисм, что выбью яблоко плетью с семи шагов, не оцарапав лица.

– Ставлю двадцать номисм, что сделаю это три раза подряд – небрежно бросил смазливый ухоженный гвардеец с кошачьими глазами.

– Отвечаю – крикнул широкоплечий.

«На Зенона десять золотых!» «На Василиска десять!» «Пять на Зенона!» – слышалось с разных сторон. Один из экскувитов проворно сбегал за папирусом и чернилами, сел собирать номисмы и записывать суммы. Другой гвардеец отмерил семь шагов от Гонория и поставил на этом месте амфору. Еще один сбегал за длинными плетеными кнутами и подал их соревнующимся. Зенон и Василиск сняли плащи, прохаживались по залу, разминали руки и щелкали хлыстами.

– Кончено! Больше ни у кого не принимаю! – закричал записывавший ставки солдат и сгреб золото со стола в кувшин. Воины мигом переместились в центр комнаты, образовав между соперниками и их мишенью живой коридор. Правая сторона поддерживала широкоплечего Зенона, а левая – любимца женщин Василиска. Обе партии истошно подбадривали своих чемпионов – выкрикивали их имена, поносили соперников, стучали оружием и ногами по мраморному полу и обменивались непристойными жестами.

– Эй, красавчик, заденешь меня кнутом – руку отрублю!

– Циклоп белобрысый! Небось, не видишь ничего дальше собственного носа!

– Василиск, соревнуйся лучше с гетерами! Только они и лягут под тебя!

Принимавший ставки воин вышел между рядами, высоко поднял золотую монету и объявил:

– Аверс – начинает Василиск. Реверс – начинает Зенон.

Монета подлетела вверх и со звоном упала на пол.

– Реверс. Первым начинает Зенон!

Правая трибуна взревела от радости. Белокурый воин стал у амфоры, поприветствовал своих товарищей и начал раскручивать кнут вокруг головы, примериваясь. Круг, второй, третий. На четвертом кожаный ремень щелкнул, и в стоящих слева полетели ошметки яблока. Лицо Гонория, за исключением пореза египетским кинжалом, было невредимым. Правый ряд вновь разразился криком торжества.

Яблоко во рту у жертвы быстро заменили. К барьеру подошел Василиск. Небрежно откинув со лба прядь каштановых волос, взял рукоять в левую руку. Почти не глядя, замахнулся и щелкнул бичом. Зеленые куски яблока вместе с зубами полетели в правую трибуну, но кожа на лице висящего осталась незадетой. Настало время ликования левых.

Перед вторым заходом Зенон подзадорил толпу, заставив их скандировать его имя. Насладившись ликованием, он вновь принялся раскручивать кнут. Но за миг до того, как должен был раздаться щелчок, из дверей послышался возглас: «Господин, они сбежали!» Все резко обернулись и замолчали. Зенон чуть повел рукой вверх, и мочка уха Гонория полетела на пол, его щеку и волосы залила кровь.

Аспар порывисто развернулся. Прибывший гвардеец вытянулся и докладывал, глядя поверх голов.

– Дети Гонория сбежали. Мы допрашиваем слуг, но они ничего не говорят. Я расставил дозорных на стенах и башнях. Из поместья никто не уйдет.

– Экскувиты! К оружию! – скомандовал Аспар. Солдаты рассыпались по залу, расхватили шлемы и копья, и выстроились перед офицером в две линии. – Прочесать все поместье. Зайти в каждый дом. Заглянуть в каждый сундук. Я хочу, чтобы через час Тит, Марк и Юлия стояли здесь, передо мной. За каждого даю сто номисм. Кто найдет всех трех – получит повышение.

– Тогда можно повышение мне? – раздался тихий скрипящий голос. На пороге стоял, опираясь на посох, древний, как Рим, старик, укутанный в темный шерстяной плащ. Его седые волосы были острижены по кругу по старой Западной моде.

– Ты знаешь, где дети Гонория? – Аспар подошел к гостю.

– Нет, но я знаю, где они будут.

– Где?

– А что я за это получу?

– Что ты хочешь, старик?

– Господин, ты теперь владеешь этим поместьем. Я прошу тебя о справедливости: сделай меня управляющим «Львиного камня».

– Управляющим? – Аспар с недоверием посмотрел на просителя. – Зачем? Тебе осталось жить несколько лет, может месяцев.

– Я же сказал, господин, я ищу справедливости. В молодости я уже был управляющим, и служил его отцу верой и правдой долгие годы. – Старик ткнул клюкой в сторону висящего Гонория. – Я построил этот великолепный особняк, разбил виноградники, купил лучших в Романии лошадей, потратил уйму собственных денег. И что получил в благодарность? Меня выгнали с позором за ничтожную провинность, отказались возвращать вложенные деньги, лишили последнего. Много лет я работал здесь кузнецом, и сейчас хочу вернуть то, что принадлежит мне по праву. Я хочу умереть господином, а не прислужником.

– Как зовут тебя?

– Никифор.

– Будьте мне свидетелями! Назначаю Никифора управляющим поместьем! – зычно выкрикнул Аспар. – Если захочешь обмануть меня, старик, то повешу рядом с Гонорием. Говори, где они?

Никифор молча протянул офицеру скомканный лист папируса. Тот развернул и прочел: «Они здесь. Немедленно уводи детей через тоннель. Я их задержу»

– Эту бумагу мой бывший господин направил Юстину, когда узнал о твоём появлении. Управляющий предупредил Тита, Марка и Юлию, и сейчас они прячутся где-то в именье. Поместье большое, искать их можно долго. Я предлагаю выманить их.

– Как?

– Я уже говорил, что руководил постройкой этого особняка – Никифор с гордостью развел руками в стороны. – Я же придумал подземный ход на случай неприятности, вроде сегодняшней. Дети уверены, что ты о тоннеле не знаешь, поэтому захотят через него уйти. Все, что нужно – устроить засаду у входа и ждать.

– А вдруг они решат отсидеться в укрытии?

– Мир полнится слухами, и часто самыми невероятными – Никифор улыбнулся краешками губ. – Например, о том, что если слуги не выдадут своих господ, то ты будешь каждый час убивать кого-то из них. Или что устроишь в поместье пожар. И обсуждать эти новости будут все до единого, поверь мне. Молодые господа и те, кто их урывает, будут уверены, что у них под ногами горит земля, а через подземный коридор можно быстро и безопасно ускользнуть.

– Где вход в тоннель?

– В коринфской гостиной. Пусть твои люди обходят ее стороной. Гвардеец, который охраняет вход для слуг, должен поглядывать и на гостиную: как только в нее войдут, можно захлопывать ловушку.

– А потом погоня по подземному лабиринту? – Аспар положил руку на плечо Никифору и сжал пальцы.

– Во-первых, это не лабиринт, а узкий коридор. А во-вторых, достаточно выбить несколько подпорок, чтобы ход обвалился. Я пришлю крестьян, они все сделают.

Аспар бросил на старика ледяной взгляд и кивнул.

– Только сначала я сам хочу осмотреть этот тоннель. Вы, трое, пойдете с нами – приказал он экскувитам.

Офицер и новый управляющий исчезли за дверью.

– Смотрите, Зенон отсек бичом ухо! – закричал кто-то. «Партия Василиска» радостно взывала в предвкушении скорой наживы.

Глава 2

Огнем и мечом

Орлика сжигали два противоположных чувства, и юноша никак не мог понять, которое мучило больше. Во-первых, его одолевал стыд. Прошлым вечером мать просила почистить дымоход в особняке хозяйской дочери Юлии – камин совсем не хотел разгораться. Неделю назад истопник перебрал неразбавленного вина и заснул прямо на улице в мороз. С тех пор лежит в бреду, и неизвестно поправится ли вообще. Вот и поручили Орлику, как самому смышленому, субтильному и легкому на подъем рабу, частично подменять болящего.

Взял молодой человек гирию на цепочке, веревку, щетку, лестницу и пошел в сад. Дорогу к дому Юлии нашел не сразу – изрядно поплутал по дорожкам и тропинкам. Посмотреть бы на того, кто устроил весь этот лабиринт, да руки ему за такую работу оторвать. Хорошо господам – они в саду дома себе построили, каждый день между деревьев-кустов гуляют, все места, закоулки и фонтаны со статуями наизусть знают. Рабочему же человеку всей этой красотой наслаждаться некогда. А еще тяжелая лестница то плечи отдавит, то за ветки зацепится, то фигуру каменную стукнет – одно раздражение от этой красоты.

Но нашел-таки нужный дом – небольшой, двухэтажный, опоясанный галереей с колоннами из зеленого мрамора. Залез на крышу и споро прочистил трубу. Но как спускался по стремянке, невзначай поднял глаза и обомлел. За окном стояла Юлия в одной легкой тунике, открывавшей гладкие ноги выше колен, руки по самые плечи и нежную шею. Остальные части тела шелковая ткань предательски облегла, подчеркивая их фантастические формы. Орлик замер с открытым ртом, и долго не мог ни пошевелиться, ни оторвать взгляд от этого чуда. Он много раз видел изображения обнаженных девушек на старых греческих амфорах, на мозаике в термах и даже на картинках, которыми городские мальчишки тайком обменивались, но никогда вид женского тела не вызывал в нем такого оцепенения, такой жаркой истомы и пульсации в висках.

Юлия стояла к нему спиной, расчесывая длинные вьющиеся волосы. Перед ней висело круглое бронзовое зеркало, привезенное из Страны Шелка¹⁵, в котором тускло отражались черты лица и грудь, но размытость очертаний делала их еще более будоражащими воображение. Сложно сказать, сколько времени провел Орлик, наблюдая за госпожой, но в какой-то момент она резко повернулась, чтобы взять со столика флакон духов. Юноша отпрянул назад, рука соскользнула со ступеньки, и он с воплем рухнул вниз. Спасли его только кусты азалии, росшие у дома. Следом на него упала лестница, больно ударив по макушке. Орлик вскочил, убедился, что руки-ноги целы, схватил стремянку и бросился бежать.

Когда вечером вернулась мать, прислуживающая Юлии, юноша притворился, что крепко спит, хотя до утра не сомкнул глаз. Он думал о том наказании, которое обязательно последует. Наверняка Юстин велит высечь его при всех за дерзость, еще и будет приговаривать: «Как смел ты, раб, нарушить все законы божеские и человеческие, дойти до такого извращения – подсматривать за своей госпожой?» Орлика еще ни разу не пороли, и от одной мысли об этом пробирала дрожь.

Но каждый раз, когда молодой человек закрывал глаза, он снова уносился мыслью туда, на лестницу, вспоминал, как легкий шелк скользил по бокам и бедрам Юлии, как она поднимала руки с гребнем, и тяжелые волосы рассыпались по плечам. В его мечтах девушка медленно оборачивалась, скидывала с себя туннику, произносила его имя и шла к нему, протягивая

¹⁵ Страна Шелка – одно из названий Китая.

вперед руки. Орлика пробивал пот, он открывал глаза и снова падал вниз, окунаясь в ледяную купель страха наказания. Так и прошла ночь, полная взлетов и падений.

Еще до рассвета юноша услышал, как скрипнула входная дверь – мать пошла будить Юлию в церковь. По воскресеньям они ходили в подземный монастырь в долине, а чтобы успеть к началу службы, надо было встать затемно.

Дабы отложить порку, Орлик решил сбежать на весь день из поместья. Было воскресенье, от работы на конюшне его освободили, а трубы пусть почистит кто-нибудь менее расторопный. К тому же по воскресеньям все поместье полдня молится в церкви, а он – раб и сын язычника славянина, не обязан протирать коленки со всеми.

Быстро одевшись, юноша набил рот сушеными смоквами, бросил в котомку две хлебные лепешки, кусок сыра и вяленую рыбу, и побежал к воротам. В долине мальчишки устраивали «каменные войны», городские против окрестных: становились по разные стороны рва и метали друг в друга камни. Как раз можно было успеть. Однако ускользнуть из имения не получилось – ворота были заперты и охранялись невесть откуда взявшимися военными. Пришлось вернуться.

Орлик попробовал читать «Энеиду» Вергилия – не вышло. Его мать хоть и была рабыней, но происходила из знатной, разорившейся семьи. В молодости ее продали за долги в рабство, но сына она обучила грамоте. Сосредоточиться на чтении не получалось. Мешало волнение.

Прочитав страницу раз пятнадцать, Орлик не запомнил ни слова и отложил книгу. «Гнусный рифмоплет!» – срывал он на Вергилии свое раздражение. – «Исписал же столько листов! Было у него и время, и желание. Конечно, если ты не раб, и дела никакого полезного нет, то почему бы не мараить папирус? О чем таком важном может поведать человек, родившийся в благородной семье, спины не ломавший, и рабов видевший исключительно издалека? Наверняка самое большое расстройство в его жизни – это расстройство желудка от плохо пропеченного зайца или не слишком свежих гребешков. И конечно никто не порол поэта, когда тот подглядывал за обнаженными купальщицами в пруду. А следовало бы. Может, писал бы не так занудно и тяжеловесно».

Орлик обосновался у окна и стал сооружать из цветных камешков «вавилонскую башню», ставя их один на другой. Это занятие требовало большой сосредоточенности и вниманья, помогало отвлечься от дурных мыслей. Сначала больше трех камней друг на друге держаться не хотели, сооружение разваливалось. Потом, по мере того, как юноша погружался в свое занятие, башня выросла до четырех, пяти и даже шести этажей. Рядом появилась вторая такая же, третья.

Погода за окном испортилась, набежали тучи, хлопьями падал снег. Соседний дом и деревья оделись в мохнатые шапки. Потом повалило так, что все цвета пропали, а осталась только белая пелена.

Перед тем, как ставить седьмой камень на башню Орлик поднял глаза и увидел, как в белой завесе появилось черное пятно. Оно росло, приближалось и приняло очертания человека. Кто-то, закрытый с головой темным плащом, с посохом в руке, шел напрямик к дому. Уже вблизи стало видно, что на мизинце у черного человека блестел золотой перстень с рубином. Юстин!

Орлик метнулся от окна, задев рукой башенки, и камни с грохотом разлетелись по полу. Что за растяпа! Так был шанс спрятаться где-нибудь под столом и сделать вид, что дома никого нет. Но такой грохот Юстин наверняка услышал.

В дверь нетерпеливо забарабанили. Пришлось открывать. Черный человек уверенно вошел, стряхнул с плаща снег, снял капюшон и оказался... Никифором. Только выглядел он как-то иначе. Перестал горбиться, приосанился, во взгляде чувствовалась сила, и двигался резвее, чем раньше. Будто помолодел лет на двадцать, и из дряхлого старика превратился в зрелого, еще крепкого мужчину. «Может, обойдется?» – мелькнуло в голове у Орика.

– А, это ты... Все бездельничаешь? – брюзжаще спросил старик. – Я ищу Марию. Твоя мать здесь?

– Нет, геронда¹⁶. Она еще до рассвета ушла с госпожой в монастырь.

– В монастырь? За пределами имения? Они с ума сошли?! Даже внутри стен «Львиного камня» может быть опасно, а отправиться в долину одним – это просто безумие!

– Они не одни. С ними пошел конюх Годила. Ты же знаешь, геронда, что он сильнее всех в Ниссе: легко перекусывает монеты и распрямляет голыми руками лошадиные подковы.

– Ха, лошадиные подковы! Это все ярмарочные трюки для зевак. Голой рукой не остановишь меч, или стрелу. И о чем только думал Гонорий, когда согласился на это?

– Юлия – его единственная дочь, он ей ни в чем отказать не может – сказал юноша и отчего-то залился краской.

– Да, в этом вся проблема... – старик почесал подбородок и задумался.

Орлик внимательно посмотрел на морщинистое лицо кузнеца и подумал, что за свою длинную жизнь ему наверняка пришлось пережить всякое.

– Скажи, геронда, а тебя когда-нибудь пороли?

Никифор сдвинул брови и строго посмотрел на юнца.

– Что, напраказничал? Не бойся, сейчас наказывают легко. Не секут, а можно сказать гладят. Какой-нибудь месяц сидеть не сможешь, поспишь на животе, и будешь как прежде. Даже лучше, потому что ума прибавится!

От такой перспективы Орлик из пунцового стал зеленым. Никифор же, видя душевные страдания юнца, сменил гнев на милость.

– Не волнуйся. Никто пороть тебя не будет. Это я обещаю.

– Откуда тебе знать, геронда?

– Видишь это? – старик поднес к лицу молодого раба левую руку, где на мизинце мягко поблескивал рубин. – Теперь я управляющий помещьем. Юстин сегодня утром поскользнулся, и ударился головой о ступеньку.

– Он жив?

– Жив, но очень плох. Будем молить Господа, чтоб даровал ему исцеление и поднял с одра болезни. – Никифор с чувством трижды перекрестил лоб пальцем. – Так в чем ты провинился? Если расскажешь честно, то обещаю, что наказания не будет.

Юноша потупил взор и скороговоркой произнес:

– Я случайно увидел Юлию в одной тунике. Она решила, что я за ней подсматривал, но я не специально, клянусь. Я просто чистил дымоход, и спускался по лестнице мимо ее окна. Я только хотел...

Управляющий жестом прервал излияния. Он выглядел разочарованным, как будто надеялся услышать что-то другое.

– Пустяки. Наказывать я тебя не буду, но и ты должен кое-что сделать для меня. Прошу тебя, седи сегодня дома, и никуда не отлучайся. Если вернется мать, пусть оставит Юлию здесь, а сама поспешит ко мне.

– Если вернется?...

– Если солдаты у ворот ее не заметят. Я предупредил их, но всякое бывает. Поможешь мне?

– Да, геронда.

Никифор накинул капюшон на голову, обернулся теплым плащом и вышел в белую пелену.

* * *

¹⁶ Геронда – вежливое обращение к пожилому человеку.

Мария вернулась затемно. Орлик, толком не спавший всю ночь, положил голову на стол, чтобы подумать о превратностях судьбы, и заснул. Услышав скрип двери, он вскочил и постарался придать телу непринужденный вид, будто совсем не спал, а просто присел. Эффект вышел противоположным – к всклокоченным волосам добавилось выражение удивленного испуга на лице. Мать приподняла светильник и оглядела стоящего в темноте сына.

– Орлик, это ты? Почему без света сидишь? – Мария подошла к столу и затеплила от своего огня лампу. Из темноты выступило женское лицо неземной, нездешней красоты. Черные брови, словно начерченные углем, изгибались над печальными темно-вишневыми глазами; небольшие губы озаряла полуулыбка. Лет двадцать назад мужчины сходили с ума от одного взгляда на эту гордую осанку и высокую шею. Перенесенные невзгоды оставили свою печать, но от этого Мария только выиграла – ее красота из броской стала спокойной, потаенной, загадочной. Черты ее лица почти полностью повторились в сыне, с той лишь разницей, что глаза у него были голубые, а волосы льняные – как у отца.

– Я ненадолго, мне нужно взять благовония и ароматные масла. Приготовлю Юлию ко сну и вернусь. Затопи печь, тут очень холодно. И подогрей похлебку. Поужинаем вместе.

Имя Юлии вывело Орлика из ступора.

– Днем заходил Никифор. Он назначен новым управляющим. Юстин ударился головой, и ему назначили замену. Геронда сказал, что у него к тебе срочное дело. Он ждет в доме управляющего. Тебе разве не сказали солдаты у ворот?

– Старый кузнец назначен управляющим? – Мария остановилась у полки с благовониями и внимательно посмотрела на сына. – Орлик, что здесь происходит?

Юноша протер глаза и стал приглаживать волосы на голове.

– Я не знаю, мне не велено было никуда отлучаться.

– Сын мой, прошу тебя, беги скорее за Юлией. Она пошла к себе через сад. Приведи ее к нам, и никуда не отпускай. Я же пойду к Анне и узнаю новости.

– Я не могу. Мне нужно на конюшню – соврал юноша, которому совсем не хотелось смотреть в глаза госпоже, которую он опозорил.

– Дорогой мой, Юлии угрожает опасность. Умоляю, оставь все другие дела и поторопись, от этого зависит ее жизнь.

Спасти жизнь госпожи – это в корне меняло дело. Орлик резво натянул обувь, надел шерстяной плащ, взял светильник и выбежал на улицу. Несмотря на позднее время, вокруг было светло. Молодой раб не раз замечал эту особенность: когда землю покрывает снег, он начинает отражать лунный свет, и по ночам небо наполняется мягким розоватым мерцанием.

На дорожке, ведущей в сад, виднелись следы женских полусапожек. Отлично! По ним не заблудишься, не запутаешь. Орлик прикрыл рукой огонек светильника, чтоб не задуло, и побежал. Чем дальше он углублялся в сад, тем темнее становилось вокруг – деревья не пропускали даже рассеянный свет, а садовые фонари не горели. Еще одна странность: за всю жизнь юноша не мог вспомнить ни одного раза, чтобы слуги не осветили на ночь главных тропинок.

На повороте Орлик поскользнулся и больно ударился коленкой о мощеную дорожку. Хорошо хоть керамический светильник не разбил. Пришлось сбавить скорость и перейти на быстрый шаг, но отстать он не боялся.

Внезапно на дорожке появились крупные мужские следы – кто-то прятался в стороне за деревьями, а потом последовал за Юлией. В сердце зашевелилась тревога. Что там мать говорила о столичных гвардейцах? Разгуливают по всему поместью? В голове возник образ Юлии, стоящей посреди заснеженного сада в одной тунике, а сзади нее из темноты появляется свирепый экскувит с обнаженным мечом в руке, и замахивается... В висках застучало, ноги сами собой перешли на бег.

Свернув несколько раз, следы вывели на поляну, в центре которой стояла большая двухъярусная ротонда, застекленная цветными витражами. В ней обитали фазаны, павлины, попугаи и прочие диковинные птицы, разгуливавшие в теплое время года по саду. В мороз их запирали внутри в клетках и вольерах, и отапливали помещение огромной печкой. Отпечатки ног вели прямо ко входу.

Подбежав к двери, Орлик прислушался. Изнутри доносились приглушенные крики и стуки. Резко распахнув дверь, юноша закричал во все горло:

– Убери от нее руки, аспид! – Звуки борьбы прекратились, а птицы наоборот разволновались, загоготали. Несколько попугаев принялись повторять на разные лады: «Уберрри ррр-руки! Рррруки уберрри! Аспид! Аспид!»

Что делать дальше Орлик не знал. Ну хорошо, выйдет сейчас из темноты солдат в панцире, с мечом, и зарубит его к праотцам, безоружного, одним движением. «Значит, умру за нее. Кровью искуплю свою вину» – решил он и снова закричал, хотя менее уверенно:

– Выходи из темноты! Покажи себя!

В глубине ротонды кто-то зашевелился, зашаркал, стал двигаться ко входу.

«Это смерть моя идет» – подумал юноша, и ему ужасно захотелось зажмуриться, чтобы не смотреть ей в глаза. Но поборол себя. На свет медленно выходил мужчина, с разведенными в стороны руками. «Не гвардеец» – вот первое, что подумал Орлик. «Сапоги цивильные, без металлических поножей. Потертые штаны и простая нижняя туника навыпуск. Оружия в руках нет. Значит, сразу не зарубит». Через несколько шагов отблеск огня упал на лицо, которое оказалось знакомым. «Это Иосиф, он работает на винодельне».

– Орлик, ты чего орешь? – спросил виноградарь. – Кто тебя прислал?

– Не подходи! – прокричал в ответ юноша. – Не твое дело, кто прислал. Пусть она выйдет, и я заберу ее с собой.

– Послушай, я знаю, что поступил некрасиво, но ты ведь тоже человек...

– Некрасиво?! – с дрожью в голосе перебил молодой раб. – Еще раз повторяю, пусть она выходит, и мы мирно уйдем.

– Ладно, ладно, не нервничай так. Видишь, я все делаю, как ты говоришь.

В темноте послышался шелест, звук шагов. За спиной Иосифа материализовалась тень, которая при ближайшем рассмотрении оказалась Элией, молодой служанкой, прошлым летом вышедшей замуж за повара.

– А где Юлия? – спросил ошарашенный юноша.

– Юлия? А что ей здесь делать? Наверное, дома у себя. Так тебя не муж Элии прислал?

Орлик взвыл от досады. Ну как он мог так ошибиться? Решил, что первые попавшиеся женские следы оставила Юлия. Остолоп! Птичник находится вообще в другой части сада. Теперь даже если бежать во всю прыть, госпожу не догнать.

– Какая дорожка ведет к дому Юлии? – закричал он.

– Правая. Все время прямо и на третьем повороте направо... – удивленно ответил Иосиф.

Юноша со всех ног помчался в указанном направлении.

– Пожалуйста, не говори ничего моему мужу! Очень тебя прошу – раздался сзади тонкий девичий голос.

От быстрого бега светильник погас, и стал плескаться маслом на руку. Пришлось оставить его на одной из скамеек. Вскоре глаза привыкли к темноте, стали различать предметы, и юноша еще прибавил скорости. Орлику даже показалось, что окажется сейчас рядом марафонцы, он легко обогнал бы их. Кусты, деревья, беседки, статуи, фонтаны выплывали из темноты и оставались далеко позади. Ноги шлепали по плитам, и почти перестали скользить. «Если успею, пусть меня секут. Не страшно. Лучше я пострадаю, чем она». Хотя, что именно грозит Юлии, он представлял смутно.

Между деревьев показались огни. Из темноты выплыла знакомая поляна и двухэтажный дом с галереей. Окна первого этажа были ярко освещены, а к входной двери приближалась женская фигура с горящим светильником в руке.

– Юлия! – громким шепотом окрикнул ее Орлик. – Стой! Не ходи в дом!

Девушка остановилась и обернулась. Юноша на ходу жестами показывал, чтобы она шла к нему, но та не двигалась.

– Что случилось? Что-то с Марией?

Раб подбежал к своей госпоже, открыл рот и замер, уставившись на нее. Ночное видение девушки, сбрасывающей с себя тунику и протягивающей к нему руки, с необычайно яркой силой всплыло перед ним. Все мысли словно ветром выдуло из головы. Только безумно хотелось наклониться и поцеловать ее в алые пухлые губы.

– Орлик, ты заболел?

– Я? ... – он потряс головой, чтобы как-то прийти в себя. Видение медленно, нехотя рассеивалось. – В поместье беда, происходит что-то непонятное, здесь гвардейцы из столицы. Мария велела привести тебя к нам и переждать. Она все выяснит. Пойдем, и так упущено много времени.

– Гвардейцы? Что здесь делать гвардейцам?

Словно в ответ на ее вопрос скрипнула дверь, и в освещенном проеме появился немного нетрезвый молодой эскувит с красивыми до приторности чертами лица и каштановыми волосами. На нем была белая льняная туника, а в руке он держал кубок с вином. Гвардеец посмотрел на гостей, откинул со лба прядь волос, обернулся в дом и крикнул:

– Зенон! Можешь не торопиться, нам прислали одну из гетер! – и жестом предложил Юлии войти. Та удивленно посмотрела на мужчину и громко спросила:

– Кто ты такой и что здесь делаешь?

Орлик ткнул госпожу пальцем в бок (за это точно выпорют до полусмерти) и отвесил самый низкий поклон, на какой только был способен.

– Прости нас, господин, за беспокойство. Мы хотели прибраться в доме у Юлии, но раз теперь тут живете вы, не будем вас беспокоить. – Славянин потянул девушку за плащ назад. Та проявила сообразительность, перестала сверлить воина взглядом и слегка поклонилась.

– Вы нам не мешаете. Входите и работайте.

Дверь боковой комнаты раскрылась, и в зал вышел широкоплечий коренастый мужчина с намыленным лицом и ножом в руке, совершенно обнаженный. В таком естественном виде он легко мог служить наглядным пособием для профессоров медицины – все мышцы рельефно выступали под кожей. На груди и плечах белели глубокие шрамы.

– У этой девчонки отличная купальня в доме устроена – небрежно бросил Зенон. – Вода горячая, но не обжигает. Сходи тоже, нам за остальными гнаться не нужно. И закрой дверь, Василиск, сквозит.

От удивления Юлия разжала руку, и светильник мягко упал на землю, окропив снег брызгами масла.

– Зенон, у нас гости. Это очень необычная служанка: она носит серебряную сетку на волосах, дорогой плащ из шерсти антилопы и длинную тунику тончайшей работы. Надеюсь, она удостоит нас вниманием и зайдет в гости.

– Беги! – закричал Орлик и кинулся на стоящего в дверях воина. Всей своей массой он втолкнул Василиска в дом и попытался захлопнуть дверь перед его носом, но гвардеец оказался на удивление ловким: устоял на ногах и сделал резкий выпад вперед, заблокировав ногой дверь. Молниеносным движением он ударил юношу кулаком в челюсть. Тот взвыл и завалился на снег – лицо пронзила острая боль, глаза заволокло белой пеленой.

Вместо того, чтобы убежать, Юлия наблюдала за коротким сражением Давида и Голиафа, а когда Орлик упал, бросилась к нему и стала вытирать текущую по лицу юшку.

– Как ты смеешь бить беззащитного? – обрушилась она на Василиска. – Ты же воин, защитник слабых! Я пожалуюсь твоему командиру.

– Какой характер! – изумился гвардеец. – Вся в отца...

– Василиск, что ты там стоишь? – заворчал Зенон. – Тащи ее сюда. Пусть остальные занимаются продажными гетерами в большом доме, а мы откупорим эту амфору сладкого вина.

– И то верно.

Воин взял девушку за руку и поволок в дом. Орлик приоткрыл глаза и увидел лицо Юлии. Ни страха, ни мольбы в нем не было. Только презрение. «Если она, слабая девушка, не боится, то почему я до сих пор ничего не делаю?» – пристыдил себя он. Рядом лежал оброненный госпожой светильник. Фитиль едва горел и раскрашивал снег оранжевыми всполохами. Собрав последние силы, славянин поднялся на ноги, сделал два шага и бросил керамическим сосудом Василиску в затылок. Осколки с хрустом полетели во все стороны, масло залило волосы и тунику экскувита. Он развернулся, бешено взглянул на нападавшего и замахнулся, но не ударил, а закинул руку за спину и стал со всей мочи колотить по шее и плечам. Запахло подгоревшим мясом, от воина повалил дым. Залитая маслом льняная туника вспыхнула, языки пламени моментально перекинулись на густые волосы и голову. Гвардеец утробно завизжал, выбежал на улицу и стал кататься по снегу. Обнаженный Зенон схватил с дивана красный плащ и бросился тушить своего товарища.

Юлия и Орлик в ужасе смотрели, как Василиск корчится, бьет руками по земле, посыпает голову снегом и изрыгает проклятья в адрес господской дочери и ее раба. Зенон накрыл горящую тканью, развернулся и медленно, перекатывая пальцами нож с остатками мыла для бритья, пошел на девушку и юношу.

«Вот и смерть моя пришла» – второй раз за вечер пронеслось в голове у Орлика, но теперь умирать было не страшно. Наоборот, накатило чувство небывалой свободы. Молодой человек взял стоящую рядом Юлию за руку и сжал ее ладошку. «Какая теплая» – подумал он и улыбнулся.

– Улыбаешься? Сейчас я тебе улыбочку от уха до уха сделаю, а потом...

Но что будет потом, Зенон не договорил – короткий меч вонзился ему в спину и вышел из живота. Гвардеец удивленно взглянул на торчащую из него клиновидную полоску стали, затем на Юлию, и тихо упал в снег. Над его телом возвышалась темная фигура в черном плаще. Левой рукой незнакомец опирался на посох, а на мизинце блестел золотой перстень с рубином.

Глава 3

Через кости к звездам

Никифор третий раз подряд пересказывал Марии события минувшего дня, а она все отказывалась верить в правдивость его истории, искала нестыковки, задавала вопросы, и драгоценное время уходило.

Когда геронда вернул ей живыми и невредимыми сына и госпожу, то сначала были объятия и слезы радости, а затем град упреков, обвинений и крепких слов, которых от Марии отродясь никто не слышал. События, происходившие утром в большом господском доме, уже успели обрасти легендами, и каждый раз, переходя из уст в уста, история становилась все более страшной и жуткой. До Марии она дошла вот в каком виде.

Старый кузнец Никифор всю жизнь тайно ненавидел Гонория. На старости лет он окончательно свихнулся и из мести оклеветал господина перед императором. Царь направил в поместье своих гвардейцев, которые для устрашения православных христиан привезли с собой чудовище, питающееся молодыми девицами. У этого полужверя—получеловека нет ни глаз, ни бровей, ни рук, лишь острые, как бритва зубы, а из бедра растет рыбий хвост. Мясо Гонория ему не понравилось, и теперь Никифор ищет Юлию, чтобы скормить этому уроду.

– В третий раз повторяю, Мария, это сказки и выдумки. Ты разумная женщина! Заклинаю всеми святыми! Каждое упущенное мгновение приближает нас к гибели!

Но разумная женщина всем своим видом показывала, что предпочтет гибель измене. Никифор тяжело вздохнул, и скороговоркой продолжил рассказ.

– Утром у большого дома я видел, как Юстин пытается остановить каких-то военных, вторгшихся в поместье.

– Как они вошли, если ворота были закрыты? – допрашивала его Мария. Орлик в это время метался по дому, собирая еду и вещи в дорогу.

– На воротах стояли двое юнцов. Гвардейцы напугали их угрозами распять прямо на воротах.

Мария открыла, было, рот, чтобы возразить, но старик не дал ей этого сделать.

– Один из воинов ударил Юстина по голове рукояткой меча и оставил лежать на дорожке. Я позвал слуг, и мы перенесли его в лечебницу. Перед тем, как потерять сознание, он сунул мне в руку записку и велел спасти Тита, Марка и Юлию – уводить через подземный ход. Молодых господ я спрятал в саду, а вы с Юлией уже ушли в долину. Но самое главное – коринфская гостиная была занята экскувитами. Пришлось пойти на хитрость: Тита и Марка я нарядил крестьянами и провел в тоннель – они завалили за собой коридор и беспрепятственно достигли Ниссы.

– Довольно допрашивать его, Мария. Я знаю, что Никифор не предал бы меня. – Из соседней комнаты вышла Юлия, переодетая в грубую, поношенную длинную ризу. Она скрыла волосы под белым платком, накинула плащ из овечьей шерсти, и из благородной госпожи превратилась в миловидную служанку. Только взгляд выдавал ее высокое происхождение. – Говори, что нам делать – обратилась она к старику.

– Я укурю вас у себя. Дом управляющего обыскивать не будут. Ближе к утру, когда гетеры и вино сморят солдат, я спущу вас со стены в корзине, и на рассвете мы встретимся с Титом и Марком в Ниссе.

Юлия задумалась, закусив нижнюю губу.

– Хорошо, мы пойдем к тебе. Но бежать в Ниссу я не стану. Отец мой еще жив, и я не могу бросить его. – Мария всплеснула руками, Орлик удивленно открыл рот и уставился на девушку, словно видел ее в первый раз.

– Но госпожа, спасти его невозможно! – ответил старик. – При нем постоянно находится не менее двадцати экскувитов. Его стерегут так же надежно, как самого императора. Поверь, если б была хоть малейшая возможность освободить его, я бы ей воспользовался.

– И все же ты должен спасти моего отца. Иначе и его, и моя смерть будут на твоей совести.

Никифор сменил тон и заговорил мягко, задушевно:

– Послушай, Юлия, Гонорий знал, что его ждет смерть. Его предупредили об опасности. Он мог спастись, бежать, но не сделал этого. Он остался и пожертвовал собой ради вас. Ты – величайшее его сокровище, отрада сердца. Он умирает, чтобы ты жила. Прощу, не делай эту жертву напрасной.

Глаза Юлии наполнились слезами, но она поджала губы и не позволила себе расплакаться.

– Из-за меня он там висит, и благодаря мне будет освобожден. Я не уйду отсюда, пока не спасу его.

В воздухе повисла долгая пауза. Руки Никифора бессильно опустились. «Вся в бабку, в Елену» – подумал он. «Спорить бесполезно. Не уступит. Только время потеряем. Придется оказать ее отцу последнюю милость».

– Хорошо, госпожа. Я сделаю для Гонория все возможное, и, с Божьей помощью, даже невозможное.

Юлия смахнула с лица наворачивавшиеся слезинки и поцеловала старика в щеку.

– Спасибо, я знала, ты согласишься. Мария, Орлик, поторопитесь! Нам идти на другой конец имения – застрекотала девушка, словно причина задержки была вовсе не в ней. Беглецы накинули верхнюю одежду и спрятали дорожные сумки под широкими плащами.

– Светильники не берем – скомандовал Никифор. – Прокру от них мало, а видно нас будет издалека. Впереди пойду я с Юлией. Ты, Мария, следуй с Орликом за нами.

Процессия вышла на улицу и запетляла между небольших жилых домов, увитых плющом и виноградной лозой. В некоторых окнах горел свет, мелькали очертания жильцов. Четыре легкие тени скользили между портиков, беседок и каменных стен, никем не замеченные.

Юлия держала старика под руку и постоянно куталась в шерстяной плащ – от волнения ее била мелкая дрожь.

– Ты очень похожа на свою бабушку, Елену – тихо заговорил старик, желая отвлечь девушку. – Я помню ее такой же юной, как ты сейчас. И такой же твердой. Если она чего-то хотела, непременно добивалась своего. За годы нашего знакомства был только один случай, когда твой дед переупрямил Елену.

Юлия внимательно посмотрела на Никифора и вдруг спросила:

– Ты любил ее?

От неожиданного вопроса старик закашлялся.

– Да... – с тихой нежностью ответил он. – Всю жизнь любил только ее. Даже когда был женат на другой. Ничего, недолго осталось. Скоро я встречу ее в лучшем мире.

– Расскажи о ней – попросила девушка.

Никифор замолчал, раздумывая, стоит ли открывать тайну, которую носил в себе более полувека. Замерзшая рука Юлии коснулась его иссушенной ладони. Геронда вздохнул и начал рассказ.

– Когда я увидел ее впервые, она была очаровательным ребенком – огромные темные глаза, непослушные волосы и непоседливый характер. Елена носилась по имению, как ураган: ее смех можно было услышать на конюшне, в саду, на виноградниках, в подвалах, на стенах, снова на конюшне. По вечерам она приходила на винодельню, садилась на скамейку, наблюдала, как заходит солнце, и слушала о моих приключениях.

– У тебя в жизни были приключения? – Юлия бросила на кузнеца взгляд, как будто увидела его впервые в жизни.

– Ты думала, что я старый сухарь, и кроме своих железок ничего не видел? Когда мы выберемся из этой передрыги, я расскажу о своем путешествии к сарацинам. – Никифор улыбнулся краешками губ. – Вскоре к Елене стали свататься богачи из Ниссы и даже Кесарии Каппадокийской. Но у Авла были другие планы: он подыскал сестре пожилого сенатора из столицы – знатного и влиятельного вдовца. Тот обещал Авлу место при дворе, и наш честолюбец не устоял. . . . Вечером того дня Елена вдруг сказала, что если я не увезу ее из Каппадокии, она сбросится с крыши от горя. И произнесла это с таким отчаянием, что я понял – она действительно это сделает.

– И ты согласился? – Юлия сжала сухую ладонь Никифора.

– Да. Моментально. Каждый раз, когда к Авлу приезжали сваты, мое сердце сжималось от горя, что Елена будет принадлежать кому-то другому. Но ее слова подарили мне новую жизнь. Я принялся лихорадочно готовиться к побегу. Три недели прошли в каком-то бреде – но любовь и есть настоящее безумие. . . .

– И ты увез ее? – с дрожью в голосе спросила девушка.

– В ночь побега я прождал до рассвета, однако Елена не появилась. Проклиная свою доверчивость, я побрел к дому. У дверей на меня набросились бандиты, как я тогда решил, избили, связали и бросили в погреб. Четыре дня я пролежал без еды и питья, а на пятый ко мне наведалься Авл.

– Мой дед? – воскликнула Юлия.

– Да. «Сегодня утром Елена обвенчалась и уехала в Константинополь» – сказал он мне. «Если бы не она, то я отправил бы тебя в цепях на галеры. Однако я дал сестре слово, что ты останешься в „Львином камне“. Слушай же внимательно мои условия, повторять не буду. Если ты сделаешь хоть шаг за пределы поместья, или расскажешь кому-то о случившемся, то я своими руками вырву тебе сердце и заставлю съесть его».

– Это сказал мой дед?!

– Он был суровым человеком. . . .

– Слишком суровым. И ты никогда не выходил за эти стены?

– Только после его смерти.

– И не видел больше Елену?

– Один раз много лет спустя. Она приехала в «Львиный камень» со своими внуками – седовласая, улыбчивая, слегка раздобревшая, но такая же прекрасная. . . .

Между домов показалась широкая, ярко освещенная дорога. Она вела от господского дома к церкви. По ней в обе стороны спешили гвардейцы с факелами. Отступать было поздно – их заметил воин с кривым перебитым носом и двухнедельной щетиной.

– Остановитесь и назовите себя! – нахраписто прокричал он. – Что вы здесь делаете? Откуда и куда идете?

– Спокойно, дитя, я все улажу. Стой и молчи – прошептал старик и снял с головы капюшон. – Я Никифор, управляющий поместьем. Меня назначил Аспар. Вот перстень, врученный им, как знак моего достоинства. А это рабы-славяне: Мария, ее сын Орлик и дочь Бояна.

Гвардеец взгляделся в лицо старика и немного успокоился.

– Хорошо, что мы встретились, старик. Случилось чудовищное преступление – кто-то убил двух экскувитов. Аспар требует, чтобы ты немедленно нашел виновных.

Никифор сокрушенно нахмурил лоб.

– Давно их убили?

– Около часа назад. Они даже не остыли.

– Кто-то видел злодеев?

– Нет, но на снегу остались следы трех человек.

– Я разберусь и через час явлюсь к Аспару с докладом.

Никифор и его спутники двинулись вперед. Через несколько шагов гвардеец с перебитым носом окликнул их.

– Пстой, старик! Ты сильно запачкался. – Эскувит подбежал с Никифору и отряхнул его плащ, но только запачкал ладонь чем-то липким. – Да это кровь...

Молниеносным движением Никифор выхватил из ножен кинжал и полоснул гвардейца по горлу. Тот захрипел, схватился руками за шею. Из раны толчками била горячая кровь. Солдат с грохотом упал на дорогу. Юлия выронила дорожную сумку, и истошно завопила.

– Скорее, вперед! – Старик толкнул застывшую от ужаса девушку, однако путь вперед был закрыт – гвардейцы заметили залитого кровью товарища и бросились к нему.

– Убийство! Убийство! Держи их! – послышались крики. Справа бежали еще трое воинов.

– Туда, к церкви! – крикнул Никифор и увлек всех в сторону, проявляя недюжинную для своих лет прыть. – Быстрее! Быстрее!

Сзади раздался гулкий звук горна. Преследующие были шагах в тридцати, но расстояние быстро сокращалось. Крики солдат слышались все ближе.

«Так нельзя... Нас догонят... Нужно уйти с прямой дороги...» – лихорадочно думал Никифор.

Беглецы пронеслись под сводами галереи, опоясывавшей главную площадь поместья, и оказались перед белокаменной церковью Григория Нисского. Никифор отстал от спутников и метнул в преследователей свой тяжелый деревянный посох, как копьё. Дубовая палка своротила челюсть воину, бежавшему впереди всех. В следующего гвардейца полетела тяжелая глиняная амфора с вином, извлеченная из дорожной сумки. Тот выставил вперед руку, чтобы защититься. Сосуд налетел на его кулак и раскололся. Вино вперемешку с черепками хлынуло эскувиту в лицо. Третий преследователь остановился на почтительном расстоянии и достал меч. Воспользовавшись заминкой, Никифор юркнул за церковь и стал догонять друзей, которые уже почти пересекли площадь.

За галереей они резко свернули вправо, в сторону плохо освещенной части поместья, перебрались через ограду из кустов, росших вдоль дороги, пригнулись и поползли к лечебнице.

Со стороны форума¹⁷ раздавались крики. Гвардейцы металась по площади и прилегающим к ней дорожкам. Беглецы резво ползли по заснеженной земле вдоль заборчика из жимолости. Голоса оставались все дальше. Наконец перед ними выросло здание лечебницы, сложенной из красного кирпича. Страх отступил, все в изнеможении опустили на землю и стали хватать ртом воздух. Один геронда казался свежим и бодрым.

– Господи, никогда так не ползала – простонала Мария и взяла сына за руку.

– Отдышитесь немного – скомандовал Никифор. Юлия положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Мария принялась отряхивать одежду Орлика от снега.

– Не сиди на мерзлой земле в одних штанах, подложи под себя плащ – закудахтала она.

– Мама, не надо! Я уже взрослый... – застонал юноша.

Внезапно дверь больницы открылась, и на порог вышел долговязый сутулый врач Христофор с козлиной бородкой и недовольно искривленным ртом. Никифор жестом велел всем замолчать и не шевелиться. Лекарь запер дверь, взял светильник и пошел мимо затаившихся под кустами беглецов. Но не успел он отойти от больницы, как Орлик, чье седалище изрядно продрогло, громко, смачно, во все легкие чихнул.

Христофор взвизгнул от неожиданности, поскользнулся и едва не потерял равновесие.

– Кто здесь?! – срывающимся голосом закричал он. – Опять шутки надо мной шутить вздумали? Вы у меня за все проказы ответите!

¹⁷ Форум – римское название площади.

Неизвестные озорники повадились лазить в больницу и переклеивать бумажки на лекарствах, а последний раз еще и подбросили живого поросенка с нарисованной углем бородкой.

– Христор, тише, это я, Никифор. – Старый кузнец поднялся из-за кустов, но появившаяся в темноте фигура еще больше напугала эскулапа.

– Помогите! Спасите! Бесчинники жизни лишают! – завопил он на все имение.

Геронда увидел, как со стороны форума к доктору побежало несколько воинов.

– Пригнетесь и бегите! – отчеканил Никифор.

Пришлось снова уносить ноги, но теперь не на коленях, а в скрюченном состоянии. Сумки с вещами и едой остались возле больницы. Сзади зашумели ветки, замелькали огни. Беглецы выскочили на открытую местность: перед ними лежали укутанные снегом холмы с террасами виноградников. Справа темнело массивное здание винодельни, а с левой стороны виднелся сложенный из грубо отесанных камней склад.

– Бежим на склад! – распорядился Никифор.

– Но винодельня больше, там проще спрятаться! – запричитала Мария.

– Слушай меня, женщина, если хочешь жить! – вспыхнул старик. – Бегом! Теперь нет смысла скрываться! Со всех ног! За мной!

Погоня действовала на старика чудесным образом: в темноте он казался не старше пятидесяти лет – то ли годы, проведенные с молотком в руке, закалили его, то ли опасность воодушевила.

Склад был заперт на большой массивный замок. Никифор пошарил по стене рукой, извлек из какой-то щели ключ и отпер дверь. Беглецы зашли внутрь и заперлись на массивный засов. Через окно сочился лунный свет и выхватывал из темноты ряды ящиков и стеллажей с амфорами. Пахло стружкой, сургучом и вином. Снаружи слышались голоса, в дом стали ломиться.

– Они здесь! Выламывайте дверь!

Мария испуганно стояла посреди комнаты и прижимала к себе детей.

– Ищите вход в подвал – велел Никифор. – Разойдитесь по складу и ощупывайте стены!

Беглецы разошлись по комнате и принялись шарить руками в темноте. Стук и ругань на улице усиливались, но дубовая дверь и массивный засов держались.

– Несите топор! Нужно вырубить проход! – послышался низкий голос с улицы.

– Зачем топор? Спалим их, и делу конец – ответил кто-то помоложе. Раздался звон бьющегося стекла и в помещение влетел факел. Он упал на ящик со стружкой, которая моментально вспыхнула и осветила помещение.

– Я вижу вход в подвал! – закричал Орлик из-за стеллажей. Никифор бросился к огню, поднял факел и ногой отшвырнул горящий ящик подальше от остальных, чтобы не занялся весь склад.

– Ты с ума сошел! Там вина на сотни талантов золота! И ты его собрался уничтожить ради поимки нескольких головорезов? – прохрипел снаружи низкий голос. – Лезь теперь туда и доставай свой факел!

Молодой гвардеец безропотно выполнил приказ – сбил с рамы осколки стекла, подтянулся на балке и попытался запрыгнуть внутрь ногами вперед, но Никифор не позволил этого сделать. Как только сапоги вошли в оконный проем, он изо всех сил ударил по ним факелом. Сосновая рукоять разломилась, горящая головня упала на пол, а в руке осталась расщепленная деревяшка. Старик молниеносно высунулся наружу и ткнул острым обломком в подбородок застрявшему в проеме воину. Тот разжал руки, схватился за лицо, и упал вниз, припечатавшись затылком сначала о кладку стены, а потом о каменную веранду. Снаружи раздалась брань.

Геронда поднял с пола горящую часть факела и поспешил ко входу в подвал. Товарищи ждали его на площадке, с которой во тьму спускалась каменная лестница.

– Ты ранен! – Мария заметила, что по рукаву геронды расплзается кровавое пятно. – Покажи мне руку.

– Не сейчас! – отмахнулся Никифор и повел всех вниз. Снаружи раздались яростные удары топора о дверь.

– Смотри, куда ты нас завел! – запричитала Мария. – Это ловушка. Нас здесь найдут и зарубят. Мне умирать не страшно, но ты должен был спасти детей. Гонорий тебе этого не простит.

– Не бойся, женщина, только веруй! – строго осадил ее кузнец.

Спустившись на двадцать локтей, беглецы попали в просторный зал со сводчатым потолком, который поддерживался множеством колонн. Во все четыре стороны уходили арочные коридоры, уставленные бочками с вином. Геронда снял с цепочки светильник, зажег его и огляделся.

– Нам нужен западный... За мной!

Беглецы мелкой рысью засеменили в одну из арок за своим предводителем. Проход тоже подпирался колоннами, между которыми в нишах покоились бесчисленные амфоры с вином. Через тридцать шагов в рядах амфор образовался разрыв – от основного коридора ответвлялись два других, поменьше. Никифор свернул направо. Через следующие тридцать шагов новая развилка – на этот раз взяли влево.

– Как ты здесь ориентируешься? – удивленно спросил Орлик.

– Каждый тоннель имеет свое обозначение: те, что идут с севера на юг буквами – А, В, С, D, а с запада на восток – цифрами от 1 до 15.

Орлик присмотрелся к колоннам и заметил, что на каждой вырезана большая буква G. За поворотом буква сменилась цифрой 6, а место амфор заняли бочки.

Эхо донесло до беглецов мужские голоса и крики. Никифор жестом велел всем замолчать и двигаться как можно тише.

После четвертого поворота коридоры превратились в пустые необработанные штольни, чье обозначение было намалевано белой известью. Под ногами валялись булыжники и мелкие камни. Двигаться приходилось с большой осторожностью.

Наконец, Никифор остановился у плоского участка стены – единственного обработанного места в этой части пещер.

– Помоги-ка мне – попросил он Орлика. Они стали на колени и принялись выгребать каменную крошку у стены. Вскоре пальцы уперлись во что-то твердое. Кузнец ухватился и выдернул на поверхность большой продолговатый предмет, завернутый в парусиновую ткань.

– Что это? – шепотом спросила Юлия.

– То, что должно было помочь сбежать отсюда мне и твоей бабке... Отойдите-ка подальше.

Пыльная материя соскользнула на пол, и в руках у кузнеца оказалась увесистая кувалда. Никифор перекрестился, зачем-то произнес «Господи, прости», и ударил молотом в стену. Железный боек проломил ее насквозь. Послышался шорох сыплющейся крошки. Стена оказалась кирпичной. За ней открылось пустое пространство.

– Это выход? – радостно воскликнула Юлия.

Старик безжалостно ломал перегородку. Чтобы не оглохнуть, пришлось зажать уши ладонями. Скоро проем оказался достаточно большим. Никифор отбросил кувалду и взял светильник, но перед тем, как полезть в дыру, еще раз перекрестился. Этот внезапный приступ набожности насторожил его товарищей.

За перегородкой был узкий коридор, в котором с трудом могли разминуться два человека. Все выстроились цепочкой и медленно двинулись вперед. Дышать здесь было тяжело – воздух спертый, затхлый. Путников охватило чувство тревоги и страха, захотелось поскорее выбраться из этого места и забыть о нем, как о страшном сне.

Вдруг из темноты появился череп. Он лежал в стенной нише и злобно таращился на незваных гостей пустыми глазницами. Мария вскрикнула и вцепилась руками в Юлию.

– Это всего лишь кости – тихо проговорил Никифор. – Бояться нужно живых. Лучше помолись о тех, чей покой мы потревожили.

– И много их здесь? – поежилась Юлия.

Словно в ответ на ее вопрос показалось еще несколько ниш с черепами.

– Тысячи. Никто не считал. В этих пещерах хоронили задолго до того, как твой прапрадед Терций основал здесь поместье.

С каждым шагом количество человеческих останков увеличивалось – углубления в стенах становились больше, и заполнялись они все плотнее.

Через сотню шагов коридор заметно расширился, стали встречаться развилки. Воздух здесь был свежее. Свальные ниши сменились вырезанными в стене карманами, в которые клали умерших и запечатывали крышкой. Сверху были написаны имена, молитвы, стояли иконы. Попадались даже семейные склепы. Орлик из любопытства заглянул в один – в центре возвышался холм из черепов, а кости были аккуратно разложены по стенам.

– Это гробницы жителей «Львиного камня». Здесь их хоронили до тех пор, пока окрестные жители не проведали, что из пещер можно попасть в винные погреба. Наши запасы стали быстро иссякать, поэтому вход сюда мы завалили, а погребать стали на городском кладбище.

– Завалили вход? Как же мы выйдем отсюда? – всполошилась Мария.

– Доверься мне, женщина. Я знаю, куда веду вас, а ты не знаешь.

Через несколько перекрестков беглецы вышли к двустворчатой медной двери, над которой возвышался портик с колоннами. Из стены рядом торчали факелы. Старик зажег один из них и поднял над собой. Над дверью засверкали золотые буквы: «Tertius Ravennansis fecit urogeum sibi et suis fidentibus in Domino»¹⁸.

– Терций? Так это гробница моего знаменитого предка? – вскрикнула Юлия.

– Да. Можешь зайти, здесь не заперто.

Девушка прошла внутрь и оказалась в подземной церкви удивительной красоты. Свет факела упал на стены, расписанные фресками, и они заиграли глубокой небесной синевой. Озарились лики ангелов и апостолов, ожили святые. Юлия вдруг ощутила на себе внимательный и ясный взгляд сотен людей, которые всегда присутствуют рядом, и из ее глаз покатались слезы. Она опустила на колени и зарыдала. Мария хотела подбежать к своей госпоже, но Никифор не пустил – пусть поплачет.

Когда буря чувств немного утихла, Юлия заметила, что вдоль стен стоят мраморные саркофаги. Она приблизилась к ним и стала читать надписи.

– Здесь лежит мой прадед Агриппа. В разгар Юстиниановой чумы он отправился с караваном в Индию, и погиб в дороге... Это его жена... А это, кажется, его любимая тетушка...

Перед каждым саркофагом девушка становилась на колени и целовала холодный камень. Наконец она подошла к самой роскошной гробнице из розового мрамора, с каменным шатром из оникса. Над ней было выложено мозаичное изображение худощавого темноволосого мужчины в белой хламиде. В руках он держал крепость, в центре которой лежала голова льва. Возле его головы блестела надпись «TERTIUS».

– Вот мы и встретились... – улыбнулась Юлия. – Я знаю, при жизни ты был большим хитрецом, и выпутывался из самых разных передряг. Отец рассказывал мне... У нас тоже настало время гонений. Помоги, помолись о нас Богу, пусть Он проведет твою праправнучку через эту бурю так же, как когда-то провел тебя...

Девушка коснулась рукой мозаики, приложила пальцы к краю одежд Терция, а затем развернулась и решительно двинулась к выходу.

¹⁸ Терций из Равенны построил склеп для себя и своих близких, кто верит в Бога.

– Пойдемте, нам нужно спешить – строго произнесла она, и первая покинула церковь.

Никифор повел притихших беглецов дальше. Через пятьдесят шагов начались ступеньки, коридор пошел вверх, и путники выбрались на небольшую площадку. Кузнец нащупал в стене небольшое отверстие и уперся в него руками.

– Орлик, помоги!

Мужчины вместе навалились. Стена вдруг ожила, задвигалась и отошла в сторону. В лицо путников обдал морозный, свежий, небывало сладкий воздух. В образовавшемся проеме виднелась укрытая снегом ночная долина, темнели очертания стен и башен Ниссы. Перешагнув через куст, росший у самого выхода, беглецы поспешили наружу. Юлия упала на колени, зачерпнула снег ладонями и умылась им. Мария обняла сына и завывала от радости.

– Нужно идти к городу, здесь гораздо опаснее, чем в пещерах – предупредил своих спутников Никифор. Немного успокоившись, все выстроились цепочкой и в последний раз взглянули на скалу, из которой вышли – вход в нее исчез, как не бывало. Беглецы двинулись в сторону Ниссы. Город ярко светился на склонах горы. В центре угадывались очертания огромного амфитеатра. Над ним возвышалась резиденция градоначальника. Стройные ряды крыш разрывали купола общественных бань и церквей. Вершину опоясывала крепость с дозорной башней.

Свежий воздух придавал бодрости. Путники бросились пересекать долину, но вскоре им пришлось умерить свой пыл – ноги утопали в снегу, идти было сложно. Только Никифор неумолимо прокладывал путь через заносы и вел свой отряд к цели. Но усталое сопение у него за спиной раздавалось все громче. Старик даже показалось, что он похож на отца семейства ежей, пробирающегося сквозь листву в поисках грибов.

Внезапно сзади слышались голоса и конский топот. Из-за скалы выехало шесть гвардейцев. Прятаться было поздно – всадники заметили их и пришпорили лошадей.

– Бегите к ближайшему поместью! Стучите в ворота и умоляйте пустить вас! – Кузнец пропустил своих товарищей вперед и замкнул отступление, чтобы первым встретить кавалеристов. Экскувитам тоже было непросто – кони вязли в снегу и шли не намного быстрее людей. Стены соседнего имения приближались, но очень медленно.

– Никифор, помоги нам! – отчаянно завопил Орлик. – Ты сильный, ты все можешь! Спаси нас!

– Не меня проси, а Бога. Сейчас наши жизни в Его руках!

– Я славянин, я не верю в вашего Христа!

– И у тебя есть силы в такой момент спорить о Боге?! – удивленно воскликнул Никифор.

– Если Он действительно всемогущ, пусть спасет нас прямо сейчас! – всхлипнул Орлик.

– Тогда молись! Сейчас самое время...

Хруст снега и конское ржание раздавались совсем близко. Путники выбрались на расчищенную дорогу у чужого поместья, но до ворот было слишком далеко. Гвардейцы тоже выехали из снежного болота и окружили беглецов. Один из экскувитов спрыгнул с коня, схватил кузнеца за волосы и ударил головой о колено. Старик беззвучно упал на землю, и всадник несколько раз пнул его ногами.

– Это за убитых товарищей – прошипел он. Воин протянул руку к Юлии, но ухватить ее не успел – раздался свист, и его ладонь пронзила стрела. Гвардеец зарычал и принялся размахивать пробитой рукой.

– Эти люди находятся на нашей земле и под нашей защитой – раздался молодой голос со стены.

– Щенок! Болотная гадюка! Скорпион! – бранился раненый. – Спускайся со стены и я объясню тебе, как нужно разговаривать с императорскими гвардейцами!

Вторая стрела вонзилась экскувиту в бедро.

– Считаю до пяти! – крикнул неизвестный защитник. – На цифре пять я прострелю горло тому, кто будет стоять ближе всего к поместью. Раз!

Гвардейцы развернули коней и поскакали прочь. Раненый с трудом влез в седло, метнул на Юлию полный ненависти взгляд и бросился догонять своих товарищей.

– Спасены! – прошептала Юлия.

Глава 4

Изгнание из Рая

Велизарий прислонился спиной к колонне, сложил руки на груди и разглядывал гостей. Избитый гвардейцем старик на удивление быстро пришел в себя, и теперь сидел на диване, прикладывая к сломанному носу полотенце со снегом.

«Как же его зовут? Что-то на „Н“. Никодим? Никон? Никита? Никифор? Отличный оружейник. Я заказывал ему длинный меч. Молоденькая служанка крутится вокруг него – кровь с лица вытирает, одежду чистит, щебечет о всяких глупостях. Сразу поняла, что хоть волос у него и седой, но стержень прямой».

Слева от Никифора сидел белокурый парень, который от волнения постоянно опускал руку в блюдо с грушами, фигами и виноградом, и нервно опустошал его.

«Этого я раньше не видел. Судя по белокурым волосам – сын славянского варвара, раба Гонория. Дикий был человек, но прекрасный конюх. Умел объезжать самых брыкливых и неистовых жеребцов. Говорили, что он заговор особый знает, от которого лошадь в ум приходит и начинает человеческую речь понимать. Глупости это все, бабы сплетни. Просто никакой конь не мог соревноваться с ним в необузданности нрава.

Был у нас один на редкость огрызливый жеребец – молодой, красивый, гордый, золотистой масти, с сухой, стройной шеей. Настоящий адамант. Самых опытных стремennых сбрасывал, никакой управы на него не было. Гонорий по дружбе предложил нам своего варвара. Посмотреть на это представление собралось все поместье, как на скачки на столичном Ипподроме. Высокий суровый славянин в белой рубахе и кожаных штанах, с густой бородой, подошел к коню, погладил его по морде, почесал лоб и стал что-то говорить на своем раскатистом журчащем наречии. Пегас довольно фыркал, мотал головой.

И вдруг славянин легко оттолкнулся от земли и запрыгнул жеребцу на спину. Конь заржал, встряхнул головой и завертелся. Наездник крепко натянул поводья. Не давая опомниться, закричал что-то таким страшным голосом, что наблюдавшие за действием женщины попадали в обморок. Но Пегас не испугался. Наоборот – встал на дыбы и попытался сбросить седока. Этот трюк он проделывал со всеми стремennыми – сначала старался скинуть с себя, а если не получалось, падал навзничь на землю и давил телом.

Славянин не стал дожидаться падения – со всей силы ударил коня свинцовым кулачищем между ушей, потом по уху и бешено закричал зубами. Пегас заржал, опустил на копыта и попытался сообразить, что это такое странное происходит, но наездник не дал ему этого сделать – пустил жеребца в галоп. Через полчаса укрощенный конь был возвращен сияющему от счастья Аркадию.

Если отпрыск чем-то и напоминает отца, то только цветом волос. Силы особой в нем не видно. Лишь гневно смотрит на меня. Хотя нет, не гневно – обиженно. Юный славянин явно влюблен в Юлию и ревнует, что я нес ее на руках от самой стены. Запивает свое горе неразбавленным золотистым вином. Несчастливая любовь – отличный повод налимониться в первый раз».

Слева над бесчувственной Юлией склонилась Мария. Служанка смачивала лоб и виски своей госпожи мокрым платком. Велизарий не обратил на женщину внимания и остановил взгляд на девушке. Последний раз он видел ее два года назад во время празднования январских Календ. Вместе с ватагой окрестных мальчишек и девчонок они переоделись в «варварские» костюмы, надели страшные маски и ходили по домам, пели песни, получали подарки. А потом танцевали на площади Траяна в Ниссе до самого утра «готские танцы».

Спасенную девушку Велизарий разместил в «Апельсиновой комнате», в которой его отец Аркадий отдыхал с друзьями после пиров. Называлась она так потому, что стены были рас-

писаны видами летнего апельсинового сада. Ветви сгибались под тяжестью медово-янтарных сочных плодов, пробуждавших аппетит даже у сытых и хмельных гостей. Центр комнаты был устелен мягкими персидскими коврами, и визуально отделялся от остального пространства четырьмя белыми колоннами. Между пилонами стояли диваны, пуфы и обитые бархатом мягкие стулья. На столиках располагались блюда со свежими фруктами и амфоры с прохладительными напитками, обложенные льдом. В самой середине комнаты журчал фонтан – бронзовые змеи тянули из беломраморной чаши свои головы и изрыгали прохладные струи.

Велизарий никогда раньше не стрелял в живых людей. Утки и косули не в счет. Он боялся, что когда дойдет до настоящего дела, рука дрогнет. Ведь это человек, целая Вселенная. У него свои мысли, желания, его кто-то рожал, любит и ждет дома. Все оказалось по-другому. Перед ним стоял враг, мало чем отличавшийся от животного. Он хотел напиться чужой крови, загрызть неповинных людей. И рука не дрогнула. Мог бы, конечно, и убить, не жалко. Но захотелось покрасоваться перед девушкой, впечатлить меткостью. Впечатлил. До сих пор в себя не придет.

За два года Юлия сильно изменилась, выросла, стала женственной. Тогда на празднике с ней было интересно и весело, как и с прочими друзьями. Чтобы согреться, они держались за руки, прыгали, носились по улицам. Велизарий внимательно посмотрел на бледную нежную руку девушки и улыбнулся одними губами – представил, что будет, если взять ее за руку сейчас.

Дверь «Апельсиновой комнаты» шумно распахнулась. В помещение вошла процессия вооруженных людей, растекшаяся полукругом вдоль стены. Мужчины остановились на мозаичном полу, выложенном витиеватыми узорами, и старались не наступить обутыми ногами на ковры. Возглавлял их энергичный, седовласый мужчина с пухлыми щеками, веселыми смеющимися глазами и уютным круглым брюшком. Пальцы его были унизаны перстнями с изумрудами. Белую шелковую хламиду, вышитую понизу золотыми нитями, обхватывал пояс с огромным сапфиром на пряжке. Он походил на большого, пушистого кота, в мягких подушечках которого прятались острые когти. Завидев отца, Велизарий моментально сошел с ковра и вытянулся.

Мужскую компанию разбавляла женщина лет сорока, с острыми суровыми чертами и следами страдания на лице. Дорогая одежда – серая верхняя туника тонкой работы с белой оторочкой и широкими рукавами, пояс из золотых медальонов, и властный взгляд выдавали хозяйку имения.

Седовласый Аркадий бодро направился к дивану Никифора и придвинул для себя пуф. Старик и юноша-славянин встали, но хозяин поместья замахал на них руками.

– Сидите, сидите! Какие могут быть церемонии? Вы прошли между Сциллой и Харибдой, вырвались из лап циклопа, уцелели после встречи с лестригонами, вам теперь нужен отдых и покой. – Аркадий сочувственно посмотрел на Юлию, но его лицо все равно выглядело довольным. Печальное выражение давалось ему с трудом. – Бедная девочка. Она жива?

– Это просто обморок. Нервическое потрясение – ответил Никифор, отложив полотенце со снегом в сторону. – Благодаря твоему сыну она жива и невредима. Спасибо тебе, Велизарий, ты спас нас всех. – Никифор встал и церемонно поклонился, а вместе с ним и Орлик.

– Садитесь, садитесь! – снова замахал руками Аркадий, но лицо его просияло от гордости за своего отпрыска. – Анна! – поманил он ладонью женщину. – Помогите девушке. И откройте окна! Здесь душно, да еще набилась дюжина обормотов.

Анна молча подошла к Юлии, и принялась хлопотать над ней – подложила под ноги подушку, сняла с головы платок и расстегнула пояс.

– Подкрепитесь, выпейте вина. – Радужный хозяин взял чашу и стал наполнять ее золотистой жидкостью, но поймал на себе строгий взгляд Анны и замаялся. – Но, увы, без меня. Врачи вино запретили. Говорят, свою норму выпил, слишком грузный стал. Беречься надо. Ничего жирного, острого. Одной травой питаюсь. Вон, мой волшебный отвар стоит – из укропа,

копытника и лавровых ягод. Не желаете? – Аркадий привстал, потянулся за амфорой с отваром, но передумал, махнул рукой и вернул свое тело обратно на пуф. – Я потом выпью.

За долгие годы, проведенные с отцом под одной крышей, Велизарий научился слушать его вполуха. Аркадий очень любил поговорить. Выдержать этот поток историй мог не всякий. За родственников обычно вступалась Анна – одного взгляда было достаточно, чтобы источник иссяк. Но когда в имении появлялись гости, радушный хозяин отводил душу. Ничего, пусть терпят.

Велизарий перевел внимание с рассказов о здоровье и расспросов о случившемся в «Львином камне» на Юлию. Он разглядывал ее и попытался представить, что значит быть женатым.

«Вот есть девушка – молодая, красивая, добрая. Ты ее любишь, души в ней не чаешь. Женишься, клянешься в вечной верности, и двое становятся одной плотью. А что дальше? Ведь любовь со временем успокаивается, жажда утоляется. Каждый день видеть одно и то же, пусть симпатичное, лицо – это непросто. Неужели женатый мужчина перестает обращать внимание на других женщин? Нет, конечно. А с годами жена становится старше, менее привлекательной. И что потом? Заставлять себя проявлять к ней внимание? Понуждать к ласкам? Зачем вообще приковываться кандалами к одной женщине, пусть даже самой лучшей? Ведь это несвобода, рабство, которое может отравить любые, самые прекрасные чувства.

Почему нельзя любить без скованных рук? Понятно, что любой мужчина может наслаждаться свободной любовью у гетер в публичных домах, но это не то. Здесь нет чувств, только тело. Почему я не могу быть, например, с Юлией, не унижая ее и себя оковами, страхом, что нашим отношениям придет конец? Зачем другие навязывают мне эти правила?

Взять, к примеру, моего отца. Он прожил с матерью двадцать лет. Был он счастлив? В молодости конечно был. Потом все меньше. Счастье истончалось, размазывалось по жизненной рутине. Последние десять лет в основном терпел упреки и ссоры. И что? Только сейчас он разрешил себе быть счастливым – снова полюбил. Но за это ему пришлось заплатить высокую цену. Конечно, он мог тайно встречаться с молодой поварихой Ириной, но она забеременела. Отец решил поступить благородно – жениться. Пришлось долго и болезненно спиливать кандалы первого брака, пройти через скандалы, косые взгляды, получать разрешение епископа на новый брак. И все равно мать живет с нами. Постоянно находится у отца перед глазами, как живой укор. Вот и теперь помогает Юлии на правах хозяйки поместья... Брррр... Уж лучше совсем не жениться».

Анна достала из рукава продолговатый стеклянный флакон с солью Амуна и поднесла к носу девушки. От резкого запаха та скривила ротик, зашевелилась и открыла глаза.

– Наша Эвридика вернулась к жизни! – замурлыкал Аркадий. Девушка попыталась встать, но женщины не позволили ей.

– Где я? – прошептала она, оглядываясь.

– Ты в безопасности, дитя, в поместье «Серебряное озеро». Ты у меня в гостях. Помнишь меня? Я Аркадий, это моя... хм... моя жена Анна. Вон старший сын Велизарий. Бояться нечего, все неприятности позади.

Девушка внимательно осмотрела присутствующих и задержалась взглядом на Велизарии. Потом зарумянилась и села, несмотря на протесты.

– Мне уже лучше. Только пить очень хочется.

– Дайте ей попить! – закричал Аркадий. – Что там у вас есть? Только не копытник с укропом! Редкостная гадость. Ее можно пить только старым толстым охламонам, вроде меня. – Лицо Аркадия расплылось в широчайшей улыбке, и он зашелся скрипучим смехом. – Несите отвар из яблок, а еще лучше из розовых лепестков с медом. – Девушка припала к чаше с ароматным напитком и осушила до дна. – Ну что, голова не кружится? Не тошнит?

– Скажи, господин, есть ли новости о моем отце?

– Нет, девочка, пока ничего не известно. Ты вот что, пойди пока отдохни. Поешь чего-нибудь. Моя жена выделит тебе и твоим спутникам комнату. А мы тут посидим, обсудим, что делать с этой напастью. Ты не волнуйся. Триста спартанцев остановили армию царя Ксеркса. Мы тоже отразим нападение.

– Только все спартанцы к концу третьего дня погибли, а голову их царя Леонида персы посадили на кол – раздался голос из-за спин. Вооруженные мужчины расступились, и в центр вышел юноша на несколько лет младше Велизария, с такими же острыми, как у Анны, чертами лица, длинными зачесанными назад волосами, весь одетый в черное.

«Наш черный человек пришел» – подумал Велизарий и скривился. «Лезет везде, куда не просят. Сейчас опять начнет желчью плевать».

– Иоанн! – прикрикнул Аркадий, метнув на сына грозный взгляд. – Помолчи! Хоть на час умерь свою желчность. Девушка и так еле пришла в себя. Прояви гостеприимство!

– Может, нальешь ей копытничка с укропом? Помогает от всех болезней – развязно ответил юноша и развалился на свободном диване напротив Юлии.

– Это Иоанн, мой младший сын. Прости его, он совершенно не знает, что такое хорошие манеры.

– Зато ты, отче, знаешь. Может, продемонстрируешь их своей бывшей жене, и матери твоих детей? Или ты вежлив только со стряпухами?

Не желая быть участницей перебранки, Юлия поднялась, улыбнулась Аркадию, и направилась к двери в сопровождении Анны и Марии.

– Ты, юноша, можешь идти с ними – обратился хозяин поместья к Орлику. – Помогите своей матери. Ты молодец, храбро держался. – Раб поднялся и нетвердой хмельной походкой последовал за женщинами. – Все остальные тоже свободны. Пусть останутся только Велизарий, Константин и ты, Никифор.

Вооруженные слуги торопливо вышли из «Апельсиновой комнаты». Иоанн, которого не приглашали, остался сидеть на месте. Аркадий пересел на диван, откинулся на спинку, налил себе вина, разбавил его водой и с удовольствием отхлебнул.

– Садитесь – велел он старшему сыну и Константину. – Только снимите обувь. Вы знаете, Ирина терпеть не может, когда по персидским коврам ходят в сапогах. – Помещик сделал еще несколько глотков вина, прочистил горло и продолжил своим мурлыкающим голосом.

– Итак, ситуация скверная. Рядом с нами расположился отряд императорской гвардии. Ты, Велизарий, поднял руку на одного из них, то есть стал государственным преступником. Более того, ты предоставил убежище бунтовщикам и беглым рабам, сделав меня и всех нас врагами императора Фоки.

Велизарий, не ожидавший такой оценки своих героических действий, побагровел и вскочил на ноги.

– Но ведь ты сам учил меня, что долг господина – покровительствовать слугам, долг сильного – оберегать слабых, долг воина – защищать мирных жителей. Неужели я должен был позволить этим мерзавцам затравить женщин, как диких зверей? Ты этого от меня ожидал?

– Я тебя пока ни в чем не обвиняю. Я описываю факты – спокойно и твердо ответил Аркадий. – Действительно, долг господина защищать своих слуг, но эти люди не наши слуги. Ты проявил благородство и спас четыре жизни. Когда утром гвардейцы ворвутся в «Серебряное озеро» и начнут убивать его жителей, на твоей совести будет триста жизней.

– Не на моей, а на их! – горячился Велизарий. – С каких это пор обороняющиеся повинны в том, что на них нападают? К тому же не так просто прорваться через наши стены.

– Ты предлагаешь объявить императору Фоке войну? – поинтересовался Иоанн и расплылся в ехидной улыбке. – Первая война Константинополя и «Серебряного озера»? Или ты тайно надеешься, что в хроники она войдет, как битва Велизария с узурпатором?

– Сиди и читай свои книги – огрызнулся Велизарий.

– Ты бы тоже почитал, может ума прибавится.

Аркадий метнул на младшего сына суровый взгляд.

– Умолкаю и превращаюсь в камень – ответил тот, но ехидная улыбочка так и осталась на лице.

– Убивать будут гвардейцы, но спровоцировал их ты – продолжил помещик. – А значит, их кровь будет и на твоей, и на моей совести.

– Так что же теперь, выдать им двух хрупких женщин, сопленосого мальчишку и беспомощного старика, который похороны императора Константина помнит? – кипел от возмущения Велизарий.

– Я хоть и помню императора Константина, – тихо возразил Никифор, – но не беспомощный. Кузнечный молот крепко держу в руках.

– Прости, геронда, я погорячился, но даже если ты способен драться, как лев, я не позволю выдать врагам ни тебя, ни других.

– Сядь и успокойся. – Аркадий устало привалился на подлокотник дивана и налил еще вина. – Я собрал вас, чтобы решить, как действовать дальше, а не слушать ругань. Константин, скажи ты свое мнение.

Велизарий вопросительно посмотрел на управляющего помещьем. Он очень уважал Константина за ум, изворотливость, славное военное прошлое, и за то, что обучал его секретам владения мечом. Своими залысинами, выдающимися скулами и римским носом Константин напоминал Юлия Цезаря. Управляющий забарабанил пальцами по подлокотнику.

– Выяснять кто прав, а кто виноват, бесполезно. Мы уже ввязались в сражение. Нам остается либо победить, либо отступить. Да, нас защищают высокие стены. Но от гнева императора они не спасут. Нужно уходить, пока есть возможность. Жителей поместья отправим в подземный город. Чужакам никогда в него не проникнуть. «Белые сирийцы» тысячи лет спасались там от иноземных войск. Ирина, Анна и твои сыновья пусть едут в Эфес. Там отличный дом, пригодный для жизни. Мы с тобой отправимся к моему тестю Леониду.

– Я не поеду в Эфес! – с вызовом сказал Велизарий. – Я это начал, и останусь до конца. Прятаться с женщинами?! Ни за что! Я остаюсь.

– В том-то и дело, что ты это начал – со вздохом проговорил Аркадий. – Теперь они охотятся за твоей головой. Если хочешь защитить семью, то сделаешь, как я говорю, и поедешь в Эфес.

– Ехать в Эфес – самоубийство. – Порог комнаты бесшумно переступила Анна, проплыла между диванами и села рядом с Иоанном. – Каждое лето на праздник Двенадцати Апостолов ты устраиваешь там большой прием. На него съезжаются гости со всей Малой Азии. Об этом доме знают все. Если где и будут нас искать, то именно там.

Аркадий пристально посмотрел на свою бывшую супругу, затем на Константина. Управляющий согласно кивнул головой.

– Ты права. В Эфес нельзя. На Восток, в Сирию и Палестину ехать опасно. Там бушует война с персами. В Египет и Африку сейчас не добраться – зимой на Внутреннем море сильные шторма. Можно отправиться на юг, в Тарс¹⁹. Там вы переждете сезон штормов, а весной отплывете на Кипр.

– Тоже не лучшая идея – возразила Анна.

– У тебя есть другое предложение? – поинтересовался Аркадий.

– Есть. Нужно ехать в Атталию²⁰, к моей матери.

¹⁹ Тарс – современный город Тарсус на юго-восточном побережье Турции. Главный город римской провинции Киликия, крупный торговый и военный центр. Родина св. Апостола Павла.

²⁰ Атталія – современная Анталья на южном побережье Турции.

Это предложение произвело в «Апельсиновой комнате» переполох, словно с горы сорвался валун, устремился вниз и через мгновение свалится на головы. У Велизария от одной мысли о бабке заболели зубы. Перед глазами живо всплыли угрюмые некрасивые лица, одетые в черное старухи, вечный голод от постной пищи, бессонные ночи, проведенные в молитвенном бдении и розги.

Аркадий вскочил с дивана и испуганно замахал на бывшую жену руками, не в силах произнести ни слова. Иоанн, который всегда и во всем поддерживал мать, с удивлением посмотрел на нее и отодвинулся в сторону.

– Никогда я не отдам своих детей и свою жену на растерзание этой... женщине – с трудом подобрал слово Аркадий. – Она чуть не сжила со свету меня, когда мы были женаты. А уж попадись ей в руки Ирина... Никогда!

– Неужели ты считаешь, что я настолько мстительна? – с горькой усмешкой спросила Анна. – Никого она терзать не будет. Я сохраню имя Ирины в тайне. Скажу, что это Юлия, дочь Гонория. Она помнит Гонория и очень ценит. Его дочери окажет царский прием. Искать нас в Атталии никому даже в голову не придет.

Аркадий замолчал и задумался, прикрыв глаза рукой, чтобы не видеть умоляющих взглядов сыновей.

– Разрешите еще раз высказать свое мнение – прервал паузу Константин.

– Говори.

– Анна подала разумную идею. Женщин нужно спрятать там, где никто не будет искать. Но убегая от смерти, нельзя забывать о жизни. Сыновья твои выросли, им шестнадцать и восемнадцать лет. Что им делать в поместье пожилой, не в меру набожной женщины? Слушать стариковские рассказы и томиться от безделья? Им нужно учиться, взрослеть, искать себе жен. Нельзя закапывать талант в землю, а талантов у них много. Отправь их в Константинополь, в Школу профессоров Капитолия²¹. И так засиделись дома.

Сердце Велизария радостно забилося.

– Знаю я эту «учебу» – отрезал Аркадий. – Вечные пьянки, гулянки, походы по публичным домам. Они даже в Школе не появятся. Велизарий сразу в армию запишется. У него одно на уме – персов бить. И все, пропал парень. Ты сам знаешь, во что превратил армию узурпатор Фока – в сборище изуверов и кровопийц, для которых человека убить, что оливку съесть. Хочешь, чтобы он тоже таким стал? А этот, младший, побежит искать учителей игры на лире. Ему и так голову вскружили похвальбами, как чудесно он играет, и непревзойденно поет. Будет шататься по тавернам и развлекать пьянчуг, как скоморох. Это ты называешь учебой?

– Отпускать их одних нельзя – согласился Константин. – Но я могу поехать с ними в качестве наставника. Надеюсь, ты не сомневаешься в моей твердости?

Аркадий снова задумался. Ответила за него Анна.

– Константин прав. Нечего тут раздумывать. Пусть едут, а то до старости будем их грудью кормить. Хватит воду в ступе толочь. Пора собираться. Время не ждет.

Управляющий вопросительно взглянул на хозяина. Тот обреченно кивнул.

– Возьми двух надежных людей для сопровождения – приказал помещик. – Сейчас зима, дорога в Константинополь будет трудной и опасной. Еще четверо пусть сопровождают женщин в Атталию. Юлия, Никифор и их спутники отправятся вместе со слугами в подземный город. Через несколько дней их доставят в Ниссу. На сборы у нас не больше получаса. Все ясно?

«Да, да, да!» – так и захотелось крикнуть Велизарии. «Неужели случилось чудо? Отец действительно отпустил, согласился? Не может быть! Господи, Ты действительно есть! Вырваться на свободу, увидеть мир, начать жить своей жизнью! Пускай под надзором, но вдали

²¹ Школа профессоров Капитолия, или Магнаврская школа – один из наиболее выдающихся университетов Римской Империи. Основан Императором Феодосием II в 425 году. В нем обучались медицине, философии, риторике и праву.

от этого опостылевшего поместья, от этого выжженного однообразного пейзажа. Я начинаю жить!»

– Господин, позволь мне сказать? – Никифор, молчавший весь разговор, поднялся с дивана. – Я благодарен, что ты дал нам приют, кров и защиту. Помогаешь и спасаешь от врагов, жертвуя столь многим. Господь да сохранит тебя и всю семью твою на многие лета. Мы все у тебя в неоплатном долгу. – Аркадий улыбнулся и замахал своей большой ладонью, показывая, что не стоит его благодарить.

– И все же у меня есть к тебе еще одна просьба. Мы бежим от врагов, нам придется скрываться, прятаться, терпеть нужду, и один Бог знает, кончится ли наше изгнание когда-нибудь. Долг обязывает меня и Марию остаться с детьми Гонория и помочь им нашей жизнью, или нашей смертью. Но Орлик, сын Марии, очень молод. Он только начинает свой путь, и я не хочу обрекать его на вечное скитание. Прошу тебя, Аркадий, пусть он поедет с твоими сыновьями в Константинополь в качестве слуги. Будет им прислуживать, готовить, убирать жилище и чистить одежду.

Помещик нахмурился.

– Я правильно понимаю, что он беглый раб? И ты предлагаешь мне укрыть его вместе с моими сыновьями?

– Гбсподи, Аркадий, мы и так собираемся воевать с императорской гвардией! – вспыхнула Анна. – И ты после этого боишься, что нас накажут за укрывательство чужого раба? С нас шкуру снимают, а он по шерсти плачет!

– Ладно. Согласен. – Помещик торопливо встал, за ним поднялись и все остальные. – Время не терпит. Через полчаса жду всех у парадного входа.

Велизарий изо всех сил сдерживался, чтобы не закричать от радости. Наконец-то свобода!

* * *

Юноша спустился по мраморным ступеням причала к Серебряному озеру и присел на корточки. Зачерпнул в ладонь воды, умыл пылающее от возбуждения лицо и сделал несколько глотков. Руки его дрожали, а сердце стучало гулче, чем военные барабаны. Велизарий еще раз обдал ледящей влагой шею и стал глубоко дышать, чтобы успокоиться.

Сзади него в колоннаде огромного господского дома, выходящего на озеро, раздались шаги и звуки голосов. Молодой человек резко поднялся, завернулся в темный плащ и юркнул в тень ближайшего из четырех сфинксов, охранявших пристань. Здесь можно было дожидаться назначенного часа и не мозолить никому глаза. Для последнего свидания место подходило идеально.

«А если все не ограничится поцелуями?» – пронеслась в голове нервная мысль, и грудь пронзило сладостное нетерпение, как у хищника перед прыжком, за момент до того, как челюсть сомкнется вокруг нежного горла косули. Велизарий сжал кулаки и заскрипел зубами.

«Конечно не ограничится. Она любит меня, я всегда это знал. Мы никогда больше не удивимся. Немного напора, и она сдастся. Как тогда. Пусть вспомнит. Пусть ощутит то же самое. Только куда ее отвести?» – Юноша аккуратно выглянул из-за бурого каменного постамента. Колоннада заполнялась слугами; они сновали мимо входа в дом, мимо ворот, ведущих во внутренний двор к хозяйственным зданиям и термам. «В дом нельзя. Нас заметят».

Велизарий скользнул обратно в тень и прижался затылком к холодному основанию сфинкса. Перед ним дрожала поверхность круглого озера, похожего на гигантскую, наполненную до краев хрустальную чашу. Дальний край терялся в ночи, а в самой середине «чаши» на небольшом острове стояла церковь, напоминавшая своими очертаниями маяк. Она была окружена хитроумными фонарями, бросавшими на ее свет, но невидимыми с берега. Бело-

снежные стены отражались в воде и приковывали к себе взгляд. Слева к острову каменной змейкой тянулся мост.

У причала стояло несколько лодок, которыми пользовались для прогулок по озеру. По зимнему времени они были укрыты парусиной. Велизарий устался на самое большое судно, с мачтой и парусом. Каждое воскресенье оно доставляло хозяина поместья и его семью на остров для богослужения. В нем всегда хранятся подушки, которые раскладывают на деревянных скамьях, и теплые одеяла, чтобы господ не беспокоил холод от воды.

«На лодке можно отлично расположиться. Парусина скроет нас от любопытных глаз». Юноша достал из рукава записку. В темноте слов было не разобрать, но он помнил каждую букву: «Приходи на пристань один. Сейчас. Хочу попрощаться». Подписи не было, но ее почерк он узнал бы из тысячи. Велизарий сжал папирус в ладони и поднес к лицу, пытаясь ощутить аромат писавшей женщины. «Ммм... Ирина...» – застонал он.

Ирина была единственной девушкой, заставившей Велизария мучиться от страсти. Ее нельзя было назвать красавицей, но что-то в слегка раскосых кошачьих глазах, в иронично искривленных губах неудержимо влекло и завораживало. В ней ощущалась скрытая опасность, из-за которой самый обычный, ничего не значащий разговор распался больше, чем танцы гетер.

И она отказывала Велизария. Иногда серьезно и решительно. Иногда с язвительной улыбкой. Иногда даже не удостоивала ответом. Все подарки возвращала. Над его страстью смеялась, а разговаривала так, будто он какой-то несмышлениш, и ничего не знает. Хотя сама была поварихой, и всего на три года старше его.

В начале зимы Вэл лежал в беседке в саду и поигрывал мускулами. После занятия по бою на мечях все тело приятно ныло, и ощущать свою силу было невыразимо сладко. Мимо по какой-то надобности проходила Ирину. Он поднялся, окликнул ее, и впервые не услышал насмешки в ответ. Она была задумчивой и какой-то... необычной. Разговор полился мягко и приятно, наполняя душу радостью, как терпкое вино наполняет кожаные мехи. А когда пришло время расставаться, она вдруг посмотрела на него таким долгим и пронзительным взглядом, что юноша не выдержал – прижал к себе и стал целовать. От вкуса ее губ Велизарий потерял всякий контроль и повалил девушку на скамью. Та впиалась в него и, дрожа от страсти, принялась раздевать. Они превратились в двух извивающихся пиявок, присосавшихся друг к другу.

Но как только пояс поварихи упал на землю, из-за кустов донеслось бречание лиры и голос Иоанна, выводивший:

«Если лазурное море баюкает ветер тихонько,
Бодрым становится сердце пугливое; мне в это время
Суша ничуть не мила, и влечет меня тихое море».

Эти звуки обожгли Ирину, как шлепок ивового прута. Она схватила пояс и бросилась в сад.

Иоанн обнаружил старшего брата с голым торсом и подивился, как ему не холодно в начале декабря. Велизарий не только не стал ничего скрывать, но еще и приврал о том, что «все уже случилось, и сегодня вечером она снова придет».

Однако ночью к горе-любовнику никто не пришел. На следующее утро семью собрал отец и объявил, что расстается с их матерью и женится на Ирине. Та в скором времени родит от него ребенка.

Для братьев эта новость стала ударом, но Иоанна она поразила гораздо сильнее. Он разругался с отцом, перестал разговаривать с Вэлом. Одеваться стал во все черное, и бродил по поместью, как призрак. Единственный человек, с кем он сохранил отношения, была мать, Анна.

Ирина же держала себя, словно инцидента в саду никогда не было. Это ранило Велизария больше всего. Теперь она была его мачехой, а значит, недоступна, счастлива, богата, и в при-

дачу должна была родить ему брата или сестру. Они никогда не могли быть вместе. НИ-КО-ГДА. Велизарий с горя стал хаживать в Ниссу, навещать гетер и кутить в тавернах, кабачках и гостиницах. Но лучше на душе не становилось.

Когда он прочел записку, которую горничная Артелая уронила к его ногам, руки крупно задрожали, а остатки разума были сметены волной желания. Будь, что будет. Все равно. Пусть их увидят, опозорят и выгонят на улицу. Не важно. Сегодня она будет принадлежать только ему.

Велизарий снова выглянул из-за каменного постамента. У входа в дом над маленьким Самсоном галдели служанки. Ирина выделялась среди них, как золотой фазан между ворон. Она скинула с головы капюшон темно-коричневой мантии, и принялась заправлять под платок выбившиеся волосы. Ее взгляд цепко скользил по причалу. Юноша приложился разгоряченной щекой к холодной каменной плите. «Пришла... Чего она медлит? Скорее, времени и так мало». Он сделал несколько шагов в сторону, в свет, и помахал рукой.

– Вот он, мой сын! Вот он, мой первенец! – раздался сбоку голос Аркадия.

«Нет, только не это. Отец...» – застонал Вэл. По колоннаде торжественно шествовал помещик, в сопровождении Константина и беглецов из «Львиного камня».

– Я хочу попрощаться перед долгой разлукой – громко мурлыкал Аркадий.

«Придется выйти к нему. Как неприятно получилось. Нужно было стоять на месте и ждать, пока она сама придет. Теперь поздно, отец увидел».

Юноша медленно двинулся ко входу в дом.

– Доставьте его на место в целости и сохранности! Иначе можете сразу пойти и утопиться во Внутреннем Море. Дайте мне его, дайте! – не унимался отец.

«Не нужно меня давать, я сам подойду» – хотел было крикнуть в ответ Велизарий, но бросил взгляд на Аркадия и заметил, что он тянет руки к маленькому Самсону.

– Ты мой великан! Мой богатырь! Отрада моих дней! Мой наследник! – Послышалось многократное чмоканье и плач разбуженного младенца. – Ну-ну-ну, вытри слезы. Ты мужчина, а мужчины не плачут. Ты мой сын!

Велизарий не стал привлекать к себе внимание, а тихо остановился за колонной, в сажени от отца, никем не замеченный, и никому особо не интересный.

– Ты срыгнул на папку! – довольный смех помещика потонул в оханье служанок.

– Довольно тискать его. Он только поел и заснул – раздался раздраженный голос Ирины. – Теперь его не угомонишь.

– Возьмите малыша – приказал нянькам довольный отец. – Крытый экипаж уже ждет. Несите и укладывайте его там. Ирина вас догонит.

Кудахтанье мамок стало удаляться, а за колонной повисла вязкая тишина. Что именно происходило между отцом и его женой, Велизарий не видел, но это нескончаемое молчание обжигало, как кипящая смола.

– Вот, это тебе – сдавленным голосом просипел Аркадий. – Здесь все обещанные мною бумаги и письмо Анны к теще, твоя защитная грамота. Помни, что теперь ты – Юлия. Не проговоришься.

– За меня не беспокойся. Я справлюсь. Схватка со старой фурией – это меньшая из моих неприятностей. А вот ты поступаешь глупо. Ты не выступишь против императорской гвардии. Умоляю, беги вместе с нами. Твоя смерть никому добра не принесет. Нам с Самсоном нужен муж и отец. Живой, здоровый. Ты поступаешь жестоко. Ты оставляешь нас, бросаешь одних. Отказываешься от нас. Я тебе этого не прощу.

Снова повисла долгая тягостная пауза.

– Больше всего на свете я мечтаю быть с тобой, и увидеть, как растет мой сын. Но я уже стар, и знаю, что этого не будет. Эта мысль терзает меня каждый раз, когда я вас вижу. Если я не умру сегодня, то через год. Самое большее через два.

– Эти два года мои. Я их никому не отдам – со сталью в голосе произнесла Ирина.

– Мне осталось немного. Рядом с тобой я снова становлюсь мальчишкой, но у этого юнца тело изъедено болезнями и вот-вот развалится на куски. Не плачь. Все, что я могу – это обеспечить вас. Вы ни в чем не будете нуждаться. В этом ларце долговые бумаги и обязательства на двадцать литр золота, а также мое новое завещание. Это поместье и все состояние я оставляю вам с Самсоном.

– А что же Велизарий и Иоанн? – равнодушно спросила Ирина.

– Они взрослые, могут сами позаботиться о себе – отрезал Аркадий. – Бери. И иди. Не рви мне сердце. Иди, тебя уже ждут. – Звук поцелуя. – Иди. – Аркадий развернулся и зашагал прочь по галерее.

Велизарий не мог пошевелиться. Его тело словно окаменело; голова гудела, как после удара булавой. Он пытался собрать мечущиеся мысли, но не мог.

«Самсон – первенец и наследник? Все, о чем мечтает отец – это увидеть, как растет его сын? Сын?! Я его сын! Он восемнадцать лет был рядом, видел меня каждый день. Я всегда был продолжателем его рода, его дела, должен был хранить его имя. И за все эти годы он не видел, как растет его сын?!»

Юноше стало трудно дышать, он схватился рукой за шею, сдвинув пониже ворот кольчуги и вареную кожу под ней.

«Поместье отойдет чужим людям и этому приبلудышу. Да, отец женился на этой женщине. Но их сын здесь никто. Мне не жалко денег, я бы обеспечил Самсона всем, он мой брат. Я могу заработать на жизнь сам. Но это мое поместье. Я здесь родился и вырос. А они выгнали меня на улицу. Лишили дома, семьи, отечества. Теперь я приبلудный, а они родные».

Велизарий сполз по колонне вниз на землю. Кольчуга закрипела о мрамор. Юноша обхватил руками голову и замер.

«Что теперь делать? Хотя и так понятно – уезжать отсюда. Вещи собраны, лошади оседланы, меня ждет дорога и новая жизнь. Пусть прежняя горит, как Помпеи при извержении Везувия».

– Ты хорошо себя чувствуешь? Тебе плохо? – из-за колонны появилось лицо Юлии. Она удивленно смотрела на юношу сверху вниз.

– Все в порядке. Я второй день без сна. Глаза слипаются – соврал Вэл.

– Ты весь горящий – возразила Юлия. – У тебя красное лицо, зрачки расширены, и вид нездоровый. Может позвать лекаря?

– Не нужно. Я подышу свежим воздухом, и все пройдет. – Бывший наследник имения поднялся на ноги и увидел, как чуть дальше в галерее Мария прощается со своим белокурым Орликом. Женщина обнимала сына за плечи, гладила его по волосам. Стоящий рядом Никифор протянул славянину кошелек и свой кинжал – подарок в дорогу. Тот достал его из ножен, поцеловал лезвие и гордо пристегнул к поясу. Вид чужого семейного счастья был невыносим. Велизарий отвернулся.

– Я тоже решила не смущать их – улыбнулась Юлия. – Пусть попрощаются. Орлик такой смешной, когда выпьет. Никогда не видела его пьяным. – Велизарий попытался улыбнуться в ответ, но губы не слушались.

– Жаль, что мы разъезжаемся – проговорила девушка. – Надеюсь, наши дороги еще пересекутся в будущем. – Молодой человек поймал на себе её взгляд – такой же, каким он смотрел на Ирину.

«Она влюблена в меня» – понеслось у него в голове. «Хоть одному человеку на земле я нужен». Плохо понимая, что делает, повинувшись внезапному желанию, Велизарий наклонился, прижал к себе Юлию и поцеловал в губы. Та не отстранилась, не закричала, а обхватила его голову, запустила пальцы в густые волосы. Сколько они так простояли юноша не понял. Только

услышал шепот на ухо: «Я знаю, мы обязательно встретимся». Юлия повернулась и пошла к своим слугам.

– Пора! По коням! Велизарий, Иоанн, Орлик! Все сюда! Отправляемся! – Голос Константина доносился с конца галереи. Велизарий в последний раз оглянулся на Серебряное озеро, на светившуюся посреди него церковь, на тонущие в темноте поля, дома и виноградники. И этот вид не вызвал у него никаких эмоций. Все это чужое. Этот рай не для него. Он теперь проклят и изгнан. Вместо беззаботной жизни – труд в поте лица, пока не закопают в землю и не положат сверху могильный камень. Значит, так тому и быть. Только не оглядываться назад.

Глава 5

Оборона Ниссы

Офицер императорской гвардии Аспар был в бешенстве. Он гнал свою лошадь по направлению к северным воротам Ниссы. Развевающийся лисий плащ с красным подбоем делал его похожим на хищную птицу, низко планирующую в ночи над заснеженной долиной. Звон золотой цепи о матовый металлический доспех звучал, как яростный клекот. Позади, сбившись за своим предводителем в косяк, мчались двадцать экскувитов – суровые, молчаливые, напряженные, с дрожащими на ветру копьями.

Ненависть бурлила в груди, пульсировала в висках и требовала выхода. Элементарная операция по захвату богатого поместья из развлекательной прогулки превращалась в настоящий кошмар. Что может быть проще – приехать на рассвете, пока все спят, схватить ничего не подозревающих Гонория с детьми, расставить солдат по ключевым точкам, запугать слуг и крестьян – и дело сделано. Хватило бы и двадцати воинов, но Аспар не удержался – растремил о богатстве имения, которое ему досталось, раззадорил и распалил весь отряд. К начальнику дворцовой стражи Приску выстроилась очередь желающих поехать в увольнение, покушаться. Хорошо еще Приск никогда не отпускает больше пятидесяти человек сразу.

Вот и расхлебывай теперь – четверо гвардейцев убиты, двое тяжело ранены. Восьмая часть отряда выведена из строя. Аспар даже в бою редко терял столько людей. А здесь старик, две бабы и какой-то мелкий белобрысый недоросль. Достанется же ему за это – комит экскувитов такое не прощает. Но ничего, ситуацию можно повернуть в свою пользу. Главное – подать Приску правильную версию случившегося.

«Спускать с рук владельцам „Серебряного озера“, поднявшим руку на императорских гвардейцев, нельзя» – размышлял офицер. «Они должны поплатиться. Поместье должно быть стерто с лица земли, а его руины – служить уроком всем, кто захочет пойти против нас. К тому же экскувиты хотят вернуться в Константинополь с добычей. Но захватить имение сложно – оно окружено стенами, а его обитатели настроены решительно. Больше терять людей нельзя. Хотя зачем лезть в пекло самому, когда таскать смоквы с горящего дерева могут другие?»

Сотник прищпорил коня. С вершины горы, на которой лежал подсвеченный фонарями, засыпающий город, с башни Святого Георгия раздался звук горна и прокатился эхом по долине. «Предупреждают о нашем прибытии – подумал Аспар. – Правильно, пусть готовятся».

От предчувствия настоящего дела внизу живота сладостно защемило – семь лет он не ходил в атаку. Дворцовая служба состояла из муштры, императорских смотров, торжественных процессий и науки подавлять бунты, которые регулярно захлестывали Романию. Комит экскувитов Приск часто повторял, что у солдат авангарда больше шансов выжить в сражении, чем у императоров в их служении. Половина ромейских самодержцев гибла от меча, яда или заговора. Поэтому искусство подавления толпы (проявлять избыточную жестокость, вычислять главарей и расправляться с ними, разделять бунтовщиков на небольшие группы и уничтожать) занимало большую часть подготовки.

И вот выдался шанс ощутить себя в центре бури – впервые с тех пор, как Гонорий пресек его армейскую карьеру. До службы во дворце Аспар воевал со славянами на Балканах – командовал эскадромом, и это была лучшая часть его жизни. Вместе со своим лихим отрядом он наводил ужас на племена варваров. Пленных никогда не брали – к чему эти лишние хлопоты? Самого Аспара враги прозвали «вурдалаком», а всадников «белыми упырями». Один вид их белоснежных плащей наводил панику на нестройные ряды славян.

Архонт Гонорий, в подчинении которого находился отряд, считал такие методы зверством, причем весьма заразным, и всячески пытался усмирить «упырей» – жаловался на них

стратилату²² (безуспешно, у Аспара были высокие покровители и репутация героя). Ставил эскадрон на самые опасные участки сражений, но даже если погибали почти все воины, командир чудом оставался жив, и отряд пополнялся еще более жестокими кавалеристами.

Однажды через Дунай переправилось многочисленное племя славян, пожелавших перейти под власть константинопольского монарха. Они были измучены междоусобицами и неурожаями. Старейшины поклялись жить по законам Империи, платить налоги, предоставить заложников и выставить десять тысяч мужчин для несения ромейской военной службы. В обмен просили никем не заселенную землю, чтобы кормиться с нее.

Аспар первым встретил славянских вождей, и отправил эстафетой письма своим покровителям в столицу. Те постарались, и Аспару было поручено разделить племя на мелкие отряды, сопроводить их во Фракию²³ и расселить там на пустующих землях. На пропитание и обустройство новых подданных выделялись значительные средства.

В этой ситуации Аспар увидел для себя огромные возможности. Славяне прибыли с имуществом, деньгами и ценными вещами. Зачем полгода кормить их бесплатно? Пусть платят лично ему за царскую милость.

И золотые струи текли к Аспару, день за днем, неделю за неделей, собираясь в огромный поток. Драгоценные чаши, украшения, камни, оружие, деньги – всем этим платили новые свободные граждане за блага империи. Через несколько месяцев поток стал иссякать. Славяне хоть и роптали, но обменивали на хлеб сначала своих пленников, потом детей и женщин. Когда же «белые упыри» публично изнасиловали нескольких славянских девушек, племя взбунтовалось. Они вырезали почти весь эскадрон, захватили оружие и стали грабить Фракию.

Войск у Гонория было мало, и он пошел на переговоры – пригласил вождей к себе в лагерь и дал большой пир. Когда торжество по случаю заключения мира было в разгаре, в палатку ворвался Аспар с десятком «упырей» и перебил всех славян.

Известие о случившемся вызвало бурю негодования по всем Балканам. Полуостров запылал. Войска варваров нависли над столицей. Разгневанный Гонорий заковал Аспара в железо и конвоировал в Константинополь для суда.

Вскоре Император заплатил выкуп, и армия славян отступила, набеги прекратились. Суд над «вурдалаком» затягивался, а его камера все больше напоминала дорожную гостиницу.

Еще через год случился переворот: ромейские легионы свергли Императора Маврикия, а сотника Фоку подняли на щит и провозгласили новым самодержцем. Власть поменялась. Всех, кто раньше был в опале, стали чествовать, как «невинно угнетенных». Аспара выпустили на свободу, и он взлетел до офицера царской гвардии. Гонорий же бросил военную службу и уехал в провинцию в свое имение. Но это его не спасло.

Северные ворота Ниссы стремительно приближались. Две пузатые серые башни зажимали их между собой и создавали узкий коридор. Эскувиты въехали в эту горловину, и даже выдававшему виды Аспару стало неуютно между угрюмыми бастионами, нависшими над отрядом, как два циклопа. Гвардейцы остановились. Офицер поднял копье, чтобы постучать в окопанные медью ворота, но они заскрипели и задвигались до того, как древко коснулось отполированного металла.

В длинной арке, освещенной дюжиной вставленных в стены факелов, стояло трое вооруженных всадников в кожаных панцирях. Средний из них был без шлема. С его плеч спадал богатый белоснежный плащ, схваченный на плече золотой застежкой. Он поднял руку и произнес негромким, бархатистым голосом:

²² Стратилат – военачальник.

²³ Фракия – Римская провинция, расположенная на самом краю юго-восточной части Балканского полуострова. Находилась на территории современных Греции (северо-восточная часть), Болгарии (юго-восточная часть) и Турции (европейская часть до Босфора).

– Приветствую гвардейцев достославного Императора Фоки! Ваш визит – огромная честь для нашего города. Именно о нем будут писать историки, упоминая одиннадцатый год индикта, шесть тысяч сто шестнадцатый от Сотворения Мира²⁴. Принимать вас – все равно, что принимать самого царя, поэтому позвольте проводить вас в резиденцию градоначальника, эгемона, где вам выделены лучшие покои. Для успокоения от тягостей пути вам приготовлены термы, а для подкрепления сил будут поданы изысканнейшие напитки и закуски. Завтра, после чествования народом на площади Юстиниана, эгемон Игнатий Авар даст в вашу честь прием.

– Хватит лизать мне седалище – резко прервал оратора Аспар. – Меня тошнит от словесных. Как зовут тебя?

– Тигран – ничуть не смутившись, ответил всадник. – Занимаю должность симпона²⁵. Направлен в твое полное распоряжение.

– Тогда веди нас к градоначальнику. Я хочу видеть его немедленно.

– Слушаюсь, господин.

Встречающие развернулись, пришпорили коней, выехали из арки и зарысили по узкой, слабо освещенной улице. Отряд гвардейцев, словно гигантская змея, вполз в город и заструился по лабиринту тесных улочек, между унылых невыразительных зданий, жмущихся друг к другу, словно птенцы в гнезде. На пути изредка попадались подозрительного вида люди, нищие и побирušки. Свет в окнах почти не горел. Лавки и магазины были закрыты. Двери гостиниц наглухо закупорены. В воздухе стоял запах испражнений и кислой капусты.

Когда отряд выехал на небольшую площадь, Аспар пришпорил коня и поравнялся с Тиграном. Симпон, извиняясь, улыбнулся офицеру.

– Северными воротами у нас мало кто пользуется. В основном приходят крестьяне из соседних поместий. Большой торговый тракт проходит с Запада на Восток, из Анкиры²⁶ в столицу провинции, Кесарию. Вдоль него у нас стоят и храмы, и виллы, и большие рынки. А северная часть города... непрестижная – с трудом подобрал он слово. – К тому же находится у самого подножья горы, на которой лежит Нисса. Сюда стекают все отбросы. Но за следующей площадью начнется вполне благопристойный, и более типичный для Ниссы квартал.

Аспар внимательно разглядел своего спутника. Он был худощав и молод, лет двадцати пяти, с коротко стриженными густыми черными волосами. На тонких губах играла ироничная улыбка, будто этот человек знал больше остальных и тайно посмеивался над всеми. В глазах светился азарт, как у молодого щенка.

«Интриган отъявленный» – подумал Аспар. «Считает, что лучший способ мучить своих врагов – это быть в хорошем настроении. Такие пробиваются на самый верх, но долго там не удерживаются».

– Ты армянин? – спросил он симпона.

– Да. Ты догадался по имени, господин? Тигран Второй был величайшим царем, основателем Веикой Армении, простиравшейся от моря и до моря.

– Я первый раз слышу о правителе с таким именем – осадил его экскувит. – У тебя на плаще застежка в виде ромашки. Такую же мои гвардейцы армяне рисуют на всем подряд.

Улыбка исчезла с губ Тиграна, его лицо побагровело, а руки задергались.

– Это не ромашка, господин. Это аревахач – солнечный крест, армянский символ вечности и благополучия.

– Ты думаешь, мне это интересно? – процедил Аспар. – Как зовут вашего градоначальника?

Но Тигран, похоже, не умел обижаться. Улыбка снова воцарилась на его лице.

²⁴ 608 год от Рождества Христова.

²⁵ Симпон – заместитель градоначальника, второе лицо в городе.

²⁶ Анкира – нынешняя Анкара. Крупный торговый центр к северо-западу от Ниссы.

– Игнатий Авар.

– Он действительно авар²⁷? Вашим городом управляет варвар? – удивился офицер.

– Его дед был послом Аварского Каганата при константинопольском дворе. Он занимал эту должность так долго, что полюбил ромейскую культуру, воспринял наши обычаи, и, в конце концов, женился на благородной девушке.

«Он далеко не первый посол, которого нашим дипломатам удалось перекупить» – подумал Аспар.

– Что он сейчас делает?

– У него традиционный субботний ужин с высшими городскими чиновниками.

«Испугались непрощенных гостей из столицы и решают, что с нами делать».

– С кем именно?

– Епископ Авмросий, викарий пехоты Лев, судья Епифаний и начальник тюремного ведомства Мовсес.

«Итого пять человек. С Тиграном шесть. Все нужные мне люди в сборе».

– Викарий командует городским отрядом? – уточнил Аспар.

– Да, господин.

– Большой отряд?

– Пятьсот воинов. Видишь эту крепость? – армянин поднял руку и показал на скалу, возвышавшуюся в центре города. Левая ее сторона резко обрывалась, а правая плавно спускалась к домам. На вершине гнездилась крепость с высокой башней. – В ней расквартирован отряд.

– Высокая.

– С башни видна Кесария Каппадокийская – похвастал Тигран. Аспар недоверчиво нахмурил брови.

– До Кесарии два дневных перехода. Видно так далеко?

– Ну... В хорошую погоду да – ничуть не смутившись ответил армянин.

Вскоре городской пейзаж изменился – улицы из кривых закоулков превратились в широкие, очерченные с обеих сторон колоннадами. Освещение стало ярче, появилась чистая публика. Дома были не выше трех этажей, и почти все украшены резными колоннами, портиками. Перед ними росли деревья и аккуратно подстриженные вечнозеленые кустарники. Стали попадаться огороженные виллы с собственными садами.

После очередного поворота дома расступились, и всадники выехали на залитое светом открытое пространство. Вправо и влево шла огромная улица, по которой, несмотря на поздний час, прогуливалось множество народу. Кабачки и таверны были открыты. Из них слышался не совсем трезвый хохот, веселый шум, звуки лиры и женского пения.

Впереди лежала площадь, заполненная зеваками. По ней ходили торговцы с лотками, предлагали отведать копченых колбас, пафлагонского сыра, засахаренных апельсинов и груш, приправленных специями медовых лепешек и маленьких пирожных в форме колец. В возле обелиска, покрытого египетскими письменами, стояло три шатра, в которых разливали горячее вино со специями, жарили молодых козлят, поливая густым пряным соусом, и подавали ароматное пюре из трески.

Площадь упиралась в мраморный фасад городских бань с одной стороны, и в круглый амфитеатр с другой.

– Это площадь Святой Варвары – принялся рассказывать Тигран, – главное место отдыха и увеселения горожан. В понедельник начинается Великий пост, а завтра – главный день Карнавала. Будет шествие в масках и костюмах, пляски, музыка. Но лучшее представление будет

²⁷ Авары – кочевой народ азиатского происхождения. В VI веке переселились в Центральную Европу и создали там свое государство – Аварский каганат, который располагался на территории современных Венгрии, Словакии, Хорватии, Румынии, Сербии и Украины. На Балканах граничили с Восточной Римской Империей.

в амфитеатре. Очень советую посетить. Предоставлю вам ложу эгемона. У нас гостит труппа из Египта, и девушки в ней просто восхитительны. Они, кстати, сегодня танцуют в таверне «Александрия» – ловят осу, залетевшую под тунику.

«Плохо же ты осведомлен, симпон» – подумал Аспар. «Эти гетеры уже ловят осу у меня, в поместье «Львиный камень».

– Мы почти приехали. Сразу за театром находится резиденция. Раньше это был храм богини Кибелы, но с распространением истинной веры его стали использовать для нужд градоначальника.

Колонна гвардейцев под недоуменные взгляды проследовала через площадь, влилась в проезд между банями и театром, и свернула в ворота резиденции, распугав просителей и зевак, толпившихся у входа днем и ночью.

Спрыгнув с коня, Аспар подал гвардейцам знак ждать его, а сам в сопровождении Тиграна пересек двор, взбежал по лестнице и вошел в бывший храм.

Огромный зал тонул в полумраке. Вокруг постамента, на котором возвышался трон эгемона, на медных вогнутых листах горел огонь и отбрасывал на колонны оранжево-бордовые блики.

– Нам дальше. Дом градоначальника прилегает к залу официальных приемов. Здесь недалеко. – Тигран отодвинул один из гобеленов на задней стене и повел экскувита длинным коридором. Проход долго петлял, и наконец, вывел гостей во внутренний двор виллы.

Мужчины поднялись на второй этаж, и вошли в просторную светлую комнату. Левую ее стену прорезали три застекленные арки, из которых открывался захватывающий дух вид на город и долину.

Стены помещения были расписаны сюжетами из мифа о Кибеле. Черно-белый мраморный пол устлала персидские ковры. Справа располагался длинный стол с винами, фруктами и блюдами с рыбой. За ним сидели пять человек – вся городская верхушка.

Когда Аспар вышел на середину комнаты, все умолкли и встали.

– Сотнику императорской гвардии радоваться! – проговорил худощавый седовласый мужчина лет пятидесяти, с зачесанными назад коротко стриженными волосами. Разрез глаз выдавал в нем потомка диких северных кочевников. Тонкие бледные губы изобразили подобие улыбки. Пальцы с перстнями нервно тербели золотую цепь. – Я...

– Ты Игнатий Авар, градоначальник – перебил Аспар. – Я тебя знаю. Можешь сесть. – У эгемона подкосились ноги, и он беззвучно плюхнулся на скамью.

Эксукувит бегло оглядел присутствующих. Догадаться, кто здесь кто было нетрудно. Справа от Игнатия стоял крепкий седой мужчина в сером подряснике и с серебряным крестом на груди. Аккуратно подстриженная борода обрамляла волевое лицо. Несмотря на почтенные годы, морщины почти не коснулись его высокого лба.

– Ты – епископ Ниссы Амвросий. Наслышан. Тоже можешь сесть. – Архиерей внимательно посмотрел на офицера, и медленно опустился.

Место слева от градоначальника пустовало. Вероятно, оно принадлежало Тиграну. Левее стоял воин лет сорока в черном кожаном нагруднике. Но даже если бы он был в гражданской одежде, ошибиться в роде его занятий было невозможно. Большие сильные ладони, привыкшие к мечу, широкие плечи, кривые ноги кавалериста, коренастая фигура. Самым выразительным было лицо – треугольное, плоское, наглое, с перебитым носом и маленькими затуманенными глазами. Пьян викарий пехоты был не от вина. Такой взгляд бывает у людей, упивающихся своей безнаказанностью, чьи руки по локоть в крови.

– Викарий Лев. Знаю. – Аспар перевел на офицера тяжелый немигающий взгляд. Тот вытянулся и придал лицу подобострастно-туповатое выражение. – Садись.

Крайний чиновник справа выглядел необычно для судьи – простоватое округлое лицо, всклокоченные волосы, засохшие пятна еды на одежде. Однако должностной знак отличия в виде сине-белой нашивки не оставлял сомнений.

«Странный персонаж – подумал Аспар. – Видимо чей-то ставленник. Всегда выгодно держать на высокой должности преданного болвана».

– Судья Епифаний... – экскувит засверлил взъерошенного служителя закона суровым взглядом, но тот неожиданно удивил: глаз не отвел. «Хम्म... Интересно...» – И о тебе наслышан. Садись.

Последним остался стоять тюремщик – рыжий, угловатый, с крючковатым носом, редкой кустистой растительностью на лице и хитрым взглядом. За его левым плечом торчал небольшой горб. Тюремщик смотрелся нескладно, будто из него вынули все кости и без разбору запихнули обратно.

– Тюремщик Мовсес...

«Хотя, какой он Мовсес? Это Мойша из еврейского квартала. Интересно, кто придумал поставить на самую ненавидимую должность в городе иудея?»

Начальник тюремного ведомства поклонился, прижимая длинные костлявые руки к груди, и сел, не дожидаясь приказа.

Аспар выдержал длинную паузу. Взглядом прокуратора он пригвоздил каждого к своему месту, и навис над градоначальником.

– Рассказывай, эгефон. Я слушаю.

Игнатий из бледного сделался пепельно-серым, открыл рот, но так и не смог произнести ни звука. Повисла давящая тишина.

– Сотник экскувитов Аспар приобрел одно из имений возле нашего города, и желал познакомиться с эгефоном лично, расспросить о том, что происходит в городе и разделить с нами трапезу – пришел на выручку хозяину Тигран.

– Ты выбрал тихое и благодатное место для своей резиденции – глубоким неспешным голосом заговорил епископ. Наши места славятся неземными пейзажами, горными монастырями и подземными городами. Но более всего мы гордимся теми праведниками, подвижниками и учителями Православия, которые их наполняют. Здесь ты сможешь укрепиться духом и отдохнуть от столичного шума и суеты.

«Похоже, настоящим правителем города является епископ» – смекнул Аспар.

– У нас, конечно, благодатно – с иронией возразил преосвященному армянин, – но боюсь, что офицеру экскувитов, привыкшему к блеску и величию Константинополя, будет здесь скучно. В Ниссе не происходит решительным образом ничего: ни скандалов, ни происшествий, ни преступлений. Даже чудеса, о которых мы столько читали в священных книгах, последнее время иссякли. Хотя нет, одно чудо все-таки взбудоражило наемных горожан.

Тигран подмигнул собравшимся. Игнатий Авар, обретший, наконец, дар речи, натужно улыбнулся и подхватил тему, услужливо предложенную своим помощником.

– Да, действительно, произошло у нас событие, которое мы не в силах объяснить. Я уже готов признать, что это настоящее чудо, но наш епископ настаивает, что люди нераскаянные, погрязшие в преступлениях, не могут творить чудеса. Мне интересно, что ты, господин, думаешь об этом.

В окрестностях нашего города орудовала шайка разбойников. Люди это были дикие, жестокие, нападали на купцов и простых путников, грабили и убивали без причины. Предводителем их был Анастас-душегубец. Он сам, своими руками зарезал сорок человек. Поймать его смог только наш викарий Лев. Городской отряд устроил засаду, и перебил всю банду. В живых оставили только главаря, чтобы показать горожанам и предать суду.

Анастаса доставили в Ниссу и посадили в тюрьму. Это даже не тюрьма – каменная яма, уходящая в землю на двадцать сажен. В ней нет отдельных темниц. Всех заключенных при-

ковывают цепями к стенам. Через неделю этого душегубца повезли в кандалах на повозке по городу. Посмотреть на это пришли тысячи людей. Главаря шайки ругали, проклинали, бросали в него нечистотами.

На площади святой Варвары один из зевак сжалился над злодеем, и набросил на него свой плащ. Когда же конвоир сдернул с преступника покрывало, под ним никого не оказалось. Он исчез, растворился! Кандалы остались лежать на повозке целые и неповрежденные.

Сидящие за столом чиновники загалдели, заговорили разом. Видно было, что по поводу случившегося сломано немало копий. Игнатий поднял руку, и все умолкли.

– Через месяц Анастаса заметили в дрянном кабаке. Он напился, устроил драку, его узнали и арестовали. На этот раз посадили на самое дно каменного мешка, куда не проникает солнечный свет, и где зимой так холодно, что ни один преступник не переживает ночи. Бандита приковали за шею, руки и ноги. Однако утром вместо остывающего тела мы увидели пустую темницу. Кандалы опять остались неповрежденными, а разбойник исчез!

И вот вчера ночью его снова схватили. Один из солдат узнал Анастаса на рынке, и выследил до дома. Теперь раз его приковали к стене на верхнем этаже, напротив других преступников. Я пообещал тому, кто не даст злодею бежать и раскроет его секрет, полное прощение и свободу. У входа поставили солдат.

Теперь мы сидим и гадаем, исчезнет ли он из тюрьмы в третий раз, и как он смог это проверить раньше.

– Я говорил, нужно не на цепь сажать, а резать его по-тихому. И проблема решена – проворчал глава городской стражи Лев. – Сколько можно играть в догонялки?

– Мы не убийцы, а вершители правосудия – возразил негромким, но твердым голосом судья Епифаний. – Этот человек должен предстать перед судом, и если его признают виновным, то тогда казнят.

– Какая разница? Все равно он отправится на тот свет – гаркнул раздраженный Лев и стукнул ребром ладони по столу. – Неделей раньше, недель позже, от удара ножом или мечом. Нужно заканчивать с этим акробатом. Мне надоело рисковать своими ребятами и гоняться за ним каждый раз, когда Мовсес его отпускает.

– Боюсь, что если сегодня он опять исчезнет, то упусти его не я, а твои воины, которые охраняют темницу – елейным тоном проворковал тюремщик. – Да и на повозке его стерегли тоже они. Это тебя он должен благодарить за освобождение.

– Держи свой гнилой язык при себе – лицо викария налилось краской от гнева. – Иначе я вырву его и заставлю проглотить.

– Успокойтесь, прекратите – вскинул руку Игнатий Авар, и бранящиеся немедленно замолчали. – Мы приветствуем высокого гостя. Какое мнение о нас он составит? Скажи, господин, что ты думаешь об этой истории? – обратился градоначальник к экскувиту.

Аспар медлил с ответом, ловя на себе заинтересованные взгляды публики. «Решили испытать меня загадками? Считаете себя могучим Соломоном, а меня пришельцем филистимлянином? Ну что ж, поиграем».

– Такие «чудеса» я творил по десять штук в день, когда сидел в тюрьме – скупое проронил он. Послышался удивленный возглас присутствующих: то ли от известия о том, что важный гость прошел темницу, то ли от его мистических способностей. – Проходил сквозь стены, исчезал и появлялся в других местах, овеществлял в камере людей и предметы. А иногда я находился в нескольких местах одновременно: в городской тюрьме, где меня видели проверяющие, и на скачках, или в таверне. Секрет этой магии прост.

Гвардеец бросил на стол тяжелую золотую монету, которая покатила между блюд, ударила о черно-коричневый кувшин и с дребезжанием упала на скатерть.

– Но кроме золота нужно еще иметь высокого покровителя, который замолвит за тебя слово перед начальником тюрьмы. Тогда и двери будут открываться, и оковы спадать, и душегубы на виду у всех исчезать. Верно, Мовсес?

Все повернулись к рыжему горбуну, который от общего внимания сжался и скукожился, как лицо старухи, и затравленно смотрел на окружавших его мужчин.

– Интересное решение задачи – процедил градоначальник. – Мы об этом не думали. Благодарю тебя, господин. Я разберусь с этим позже.

– Я бы тоже хотел кое с чем разобраться – вернул себе инициативу Аспар. – Тигран ошибся: я не купил пригородное поместье, а конфисковал «Львиный камень». Гонория казнил, как изменника и заговорщика. Император направил меня сюда, чтобы узнать, насколько глубоко заговор пустил корни. И в этом мне потребуется ваша помощь.

– Все, что будет угодно благочестивому, благословенному и достойному Августу Фоке – церемонно произнес Игнатий.

– Достойному Императору угодно, чтобы я принял командование городским отрядом Ниссы.

Эгемон удивленно поджал губы.

– Позволено ли мне будет спросить, зачем Августу Фоке потребовался наш гарнизон?

– У Гонория есть сообщники. Они напали на моих людей и скрылись в «Серебряном озере». Убийство царских охранников не может остаться без наказания. Мне нужен отряд, чтобы враги Романии предстали перед правосудием.

– Это Аркадий! Я всегда говорил, что он плетет интриги – вскричал викарий Лев. – Теперь-то я смогу взять его за жабры!

– Аркадий будет предан суду, а «Серебряное озеро» перейдет во владение императора – продолжил сотник. – Половину всех богатств я отправлю в столицу, четверть передам городскому отряду, который поможет с конфискацией, а еще четверть – градоначальнику Ниссы.

В глазах у Игнатия заплясали алчные огоньки.

– То есть отряд должен будет взять укрепленное поместье штурмом? – подал голос Епифаний.

– Да. Если потребуется, то взять штурмом – отрезал Аспар. – Или кто-то из вас готов поддержать бунтовщиков? – Он обвел взглядом руководство города. Пойти вместе с Аркадием на плаху не желал никто. – Отлично. Я расскажу о вашей помощи императору. Вскоре освободится должность губернатора провинции, и на нее могут назначить верного градоначальника. А викарии, за которых заступаются при дворе, быстро становятся тысяцкими.

– Готов служить Августу Фоке! – воскликнул Лев.

– Мы, безусловно, предоставим отряд в твое командование – негромко произнес епископ Амвросий, – но сначала хотели бы удостовериться в твоих полномочиях. Я уверен, у тебя есть соответствующая бумага, подписанная нашим благочестивым самодержцем. Или, на крайний случай, главой его личной канцелярии – магистром Доментиолом.

– Офицер императорской гвардии может без всяких бумаг принять командование отрядом, не подчиняющимся напрямую стратигу армии или архонту – с угрозой в голосе ответил Аспар.

– Да, но ведь жена и дети Аркадия обязательно начнут жаловаться – не унимался епископ.

– Жаловаться будет некому – отчеканил сотник.

– Найдутся дальние родственники, которые надеялись на наследство. Они будут скандалить, писать главам провинции, диоцеза, префектуры, а те спросят у Игнатия: «Как посмел ты сравнивать с землей поместье добропорядочного ромея?» И ему будет нечего ответить. Вся ответственность ляжет на него. Поэтому раз у тебя нет бумаги от Августа Фоки, напиши ее сам. Укажи в ней, что отряд действует по твоему распоряжению, что половину всего конфискованного имущества ты своей властью передаешь городу, и приложи печать.

«С епископом я не договорюсь. Он слишком умен и упрям. Бить нужно в самое слабое звено цепи». Эскувит повернулся к Игнатию Авару и посмотрел на него в упор.

– Так что мне передать Императору, эгемон? Рекомендовать тебя, как верного и надежного исполнителя его воли? Или как человека, укрывающего его врагов?

– Я готов исполнить все, что угодно благочестивому, благословенному и достойному Августу Фоке. Наш отряд в твоём распоряжении.

* * *

– Ты счастливый человек, господин: живешь в самом прекрасном городе Вселенной, в центре мира, среди знаменитых поэтов, философов, архитекторов, полководцев. Ты служишь царю, ходишь по тем же дворцам и покоям, что и он, лицезреешь этого величайшего из земных владык. Мир вращается вокруг тебя. В Новый Рим стремятся люди со всех концов света. Они мечтают прикоснуться к его славе, увидеть возвышающуюся, словно корабль над волнами, Великую Церковь, посетить бушующий Ипподром, зайти в царскую усыпальницу – Церковь Двенадцати Апостолов, дотронуться до золотой колонны Юстиниана, наблюдать ночью за светом Фаросского маяка, войти в Город через Золотые Ворота...

Тигран щебетал без остановки. Он ехал рядом с Аспаром впереди конного отряда гвардейцев. Колонна двигалась к площади Траяна, на которой викарий пехоты Лев должен был выстроит городскую стражу в полном вооружении.

Городские чиновники быстро разошлись, и эгемон со своим помощником сами ухаживали за столичным гостем. Армянин, правда, больше пил сам, чем наливал сотнику – видно, несмотря на бодрый вид, сильно нервничал.

Виноградный напиток развязал ему язык. Вместо того, чтобы просто показать дорогу к площади, он стал хвастать своими знаниями о Константинополе. Впрочем, Аспара этот поток мыслей не раздражал. «Так даже лучше» – размышлял он. «Пьяный всегда выболтает то, в чем трезвый не сознается».

– Войти через Золотые Ворота не получится – возразил эскувит. – Их открывают только для армий, которые возвращаются в Город с победой. Или для императорских процессий.

– Да-да, я знаю – затараторил Тигран. – Ворота – это святилище, которое очищает входящих от скверны, не дает злу внешнего мира пройти в Город. Их еще называют «Храмом Фортуны», потому что на их вершине стоит колоссальная статуя богини.

– Ты собираешься прочесть мне лекцию по истории каждого камня столицы?

– Нет. Просто... – симпон сбился на мгновение, а потом продолжил со злостью: – Просто мне надоело прозябать на задворках. Мой ум, мои знания, таланты хиреют, растрачиваются на мелочи. Я трачу жизнь на то, чтобы вскарабкаться в Богом забытом захолустье на самый верх, стать лучшим, и перепрыгнуть оттуда в другое захолустье – побольше, посолидней. Но все равно это жизнь вполсилы.

– Ты хочешь, чтобы я взял тебя с собой в Константинополь? – усмехнулся Аспар. – Зачем ты мне нужен?

– Я умею быть полезным, господин. Я умный, расторопный и преданный человек. Дай только возможность показать себя.

– Таких искателей счастья вокруг тысячи – презрительно бросил эскувит. – Тебя нужно будет продвигать, а это немалые деньги.

– Зато меня никто не знает. Я неизвестный гладиатор, который может сорвать для своего хозяина неплохой куш.

– Или проиграть опытным бойцам и обанкротить хозяина. – Офицер нахмурил брови и задумался. – Поедешь со мной в Константинополь, если сумеешь доказать свои бойцовские качества и полезность.

– Да, господин. – Тигран кивнул головой и умолк.

«Хоть и выпил, но знает, когда нужно замолчать. Хорошее качество. Но все равно не возьму. Лишние прихлебатели мне не нужны».

Улица была заполнена лавками и торговыми рядами. Некоторые были открыты, несмотря на поздний час. Ювелиры, кожевники, оружейники, торговцы тканями, рыбой, скотом – у всех был свой небольшой квартал. Все старались показать товар лицом. Зазывали кидались под копыта лошадей, хватали всадников за ноги, обещали продать подешевле, и долго кричали вслед: «Только тебе отдам за десять серебряных! Десять! Хорошо, давай за три!»

Затем пошли жилые кварталы городской знати. Украшенные заморским мрамором и увитые лавром, миртом и розмарином, фасады вилл соревновались в роскоши и изысканности.

Наконец, через пролет триумфальной арки, отряд выехал на просторный круглый форум Траяна. В его центре поднималась к небу колонна, с которой на город взирал мраморный Траян – правитель, чьими трудами была отстроена и укреплена Нисса. На площадь выходили фасады нескольких городских присутствий, но доминировал над ней массивный Храм Рождества Христова. Его формы приковывали взгляд. Широкий купол был похож на пышную крону тысячелетнего дуба. Витражи фасада ярко светились изнутри.

У закрытых дверей Церкви стояла шеренга из десятка священников в полном облачении. Пресвитеры пели молебен против супостатов. Возглавлял их епископ Амвросий в белой ризе, расшитой черными крестами, с массивным кадилом в руке. Больше никого на площади не было никого. Аспар натянул поводья и остановился.

– И где же обещанный отряд? Ты хотел быть полезным, армянин? У тебя есть такая возможность.

Тигран взвился, прищпорил коня и подъехал к поющим священникам.

– Амвросий! Где городская стража? Где посланный за ними викарий Лев? Что происходит?

– По бездне, как по суше прошел Израиль стопами, и, видя гонителя фараона утопающим, взывал: «Богу победную песнь воспоем!» – протянул в ответ епископ.

Тигран в изумлении слез с коня, подошел к преосвященному и вновь попытался завладеть его вниманием.

– Что здесь происходит? Где обещанный градоначальником отряд? Ты слышишь меня?

– Господи, Ты помог кроткому Давиду победить иноплеменника. Помогни и нам оружием Креста Твоего низложить врагов наших. Яви на нас великие твои милости. Да увидят, что Ты истинно Бог наш, и, призывая Тебя, победим.

Аспар, которому надоело это представление, сделал знак гвардейцам. Двое из них отделились от общего строя, подъехали к молящимся и ударили Амвросия тупыми концами копий. Тот упал, выронил из рук кадило. Экскувиты спрыгнули с лошадей, подняли епископа за руки и подтащили к офицеру.

– Где городская стража? – с угрозой спросил сотник.

– Они под моей защитой, в Соборе. Церковь предоставляет им убежище. Я не позволю тебе использовать их для расправы над мирными жителями. И казнить солдат за то, что они не хотят убивать своих собратьев, тоже не дам. В храм ты не войдешь.

На лице Аспара появилась гримаса досады.

– Что за упрямцы живут в Каппадокии! Сначала Гонорий, потом Аркадий, теперь и ты – прощел он и кивнул гвардейцам, державшим епископа. – Действуйте.

Послышался треск раздираемой ткани. Экскувиты рвали богослужебное облачение и бросали его на землю. Когда Амвросий остался в нижней рубахе, воины стали избивать его. Владыка не закрывался и не уворачивался. Он упал на колени, потом всем телом на землю.

– Нет у вас больше епископа! – прокричал священникам офицер. – А есть Император, которому вы обязаны повиноваться так же, как Богу! Исполните свой долг, откройте ворота.

«Противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение». Вот что говорит вам Писание! «Начальник не напрасно носит меч!»! Исполните, что приказывают вам Христос и Август Фока!

Ни один из священников не обернулся и не прекратил молебен. Тигран стал перед иереями и принялся их умолять.

– Послушайте, неужели вам не жалко вашего предстоятеля? Они же убьют его, забьют до смерти! Очнитесь и сделайте что-нибудь! Что вы стоите, как каменные? Наши молодые солдаты сидят в храме и используют Амвросия, как щит! Выставили старца на растерзание, потому что сами не хотят воевать. Все равно их казнят за измену. Очнитесь, отцы! Будьте благоразумны! Откройте двери храма! – крики симпона не производили никакого эффекта.

– Братья в шутку дерутся, а дети их разнимать бросаются – презрительно процедил Аспар. – Епископа привязать к лошади, и в назидание всем протащить через город – приказал он. – Церковь, вместе с засевающим в ней отрядом и этими служителями культа, сжечь.

– Но господин, дома здесь стоят очень плотно! – закричал Тигран. – Пламя с собора перекинется по крышам! Заполыхает полгорода!

Ответом симпону был лишь тяжелый взгляд, полный презрения. Армянин осекся, замолчал, сел на коня и подъехал к сотнику, став у него за спиной.

Гвардейцы рассеялись по площади и стали ломиться в близлежащие здания, в надежде вынести оттуда столы, стулья, книги, двери, масло для лампад – все, что хорошо горит и поможет поджечь церковь.

Один из экскувитов, избивавших Амвросия, снял с седла веревку, соорудил петлю и набросил ее на ноги епископу. Второй конец неспешно прикрепил к седлу.

– Ну что, дедок, покатаемся? – осклабился он. – Никогда не возил епископов. Не бойся, тебе понравится. У меня конь резвый. Вмиг домчит.

Гвардеец вскочил на жеребца и подхлестнул его. Тот рванул в пролет триумфальной арки, потащив по плитам тело Амвросия. Но проехал не более двух сажен. Улица впереди оказалась перекрыта. По ней двигалась людская волна, затоплявшая все пространство. Горожане приближались, возмущенно шумели, потрясали факелами, дубинками и камнями. Вел их всклокоченный человек с округлым лицом – судья Епифаний.

«Вот только этого служителя Фемиды здесь не хватало. Верная собака епископа прибежала защищать своего хозяина и привела целую свору. Ах, как скверно. Не люблю я эти провинциальные властные расклады и тайные договоренности. Пока разберешься в них, тебя уже съедят. Но не на того напали. Зубы обломаете».

– Построиться в линию! – скомандовал офицер. Гвардейцы со всех сторон бросились к коням. Экскувит, тащивший епископа, перерезал веревку и оставил старика лежать на земле – то ли испугался гнева толпы, то ли решил избавиться от якоря, который будет мешать при обороне. Священники бросились к Амвросию, подняли на руки и унесли в сторону.

Когда поток вплотную подобрался к площади, дюжина всадников въехала в пролет триумфальной арки и перекрыла вход на форум, выставив перед собой заслон из копий. Горожане заволновались, заголосили, стали толкаться и останавливаться. Лезть на острие не хотел никто.

– Аспар, убери своих воинов! – прокричал судья гнусавым, но твердым голосом. – Уходите, пока никто не пострадал.

– Епифаний, ты упал с лошади и ударился головой о мильный камень? – ответил за офицера Тигран. – Тебя переехала колесница и лишила остатков разума? Или ты объелся грибов спорыньи? Наше место здесь, рядом с законной властью! Отпусти людей по домам и иди спать. От тебя ничего не требуется. Только не мешай!

– Городской отряд дарован Ниссе Императором Юстинианом Великим для обороны от врагов. Только сам Император может его у нас отобрать – закричал судья. – Отряд не под-

чинится тебе, Аспар. Враги у нас персы, и воевать мы будем только с ними. Остальное нас не касается. Уходи!

– У-хо-ди! У-хо-ди! У-хо-ди! – толпа подхватила последнее слово и принялась скандировать его. Тем временем к арке подтянулись остальные гвардейцы и выстроились в пролете второй линией. Конный строй ощерился еще одним рядом копий. За спинами всадников стоял Аспар и наблюдал за действиями солдат. Сзади к нему жался Тигран.

– Экскувиты! Вперед! – скомандовал сотник. Над площадью пронеслись жутковатые раскаты – гвардейцы принялись синхронно стучать копьями о щиты. Строй воинов зашевелился и, как гигантский дикобраз, слаженно двинулся вперед. Заржали лошади, послышались возмущенные возгласы людей, которые не сразу сообразили, что делать дальше. Пришли в движение копья, нанося короткие тошнотворные удары в незащищенную плоть. Люди с криками падали на землю, пытались увернуться, отступить, но лишь измазывали окружающих своей кровью.

Епифания проткнули одним из первых. Копье вошло в грудь, а затем пронзило плечо. Он неуклюже всплеснул руками, сжал ладонями раны, виновато улыбнулся и осел. Горожане подхватили его обмякшее тело, подняли над собой и стали передавать над головами. Епифаний поплыл по людскому потоку, словно лодка, оторвавшаяся от корабля.

По улице пронесся возмущенный возглас. Толпа стояла на месте. В военных полетели камни, которые отскакивали от металлических доспехов и щитов, не причиняя экскувитам вреда. Некоторые булыжники не долетали до цели и сыпались на первые ряды горожан.

– Назад! Назад! – закричали вокруг. – Дайте нам выйти! Здесь раненые! Отходите!

Улица медленно пришла в движение, заволновалась, вздыбилась, и наконец, река повернула в другую сторону. Гвардейцы продолжали наступление, кололи в спины, преследовали деморализованного противника.

– Господин, мне кажется, нам лучше отступить – негромко проговорил Тигран Аспару. – Толпа рассеивается, уходит в соседние переулки. Скоро они попадут на площадь через другие улицы и окажутся у нас за спиной. Нас всего двадцать, а их не меньше пятисот. Но будь уверен, каждый из этих пятисот разбудит и раззадорит по пути еще несколько человек. На площади их будет уже две тысячи – один против ста.

Лицо сотника было пепельно-серым от ярости. Проклятый Гонорий. Проклятые люди. Проклятый город. Он не забудет этого унижения. И ничего не простит.

– Нам нужно уезжать, пока есть такая возможность – продолжил армянин. – Если в городском отряде узнают, что на площади среди убитых и раненых есть их родные, то они изрубят нас, как сорную траву, чем бы это им ни грозило.

– В этом твоя помощь? Уговаривать меня бежать? – процедил Аспар. – Хочешь перебраться в столицу – реши эту проблему.

Симпон думал не более мгновения.

– Тебе ведь нужно «Серебряное озеро»? Я знаю, как взять его без чужой помощи. – Тигран замолчал, наблюдая за реакцией офицера. Тот медленно, скупно кивнул. – Вся окружающая долина изрыта подземными городами. В них живет полудикий местный народ – белые сирийцы. Чужаков они сторонятся, но я знаком с их старейшинами. Я договорюсь, и они за плату проведут вас по тайным ходам в поместье.

В глазах Аспара мелькнуло удивление, смешанное с охотничьим азартом.

– Экскувиты! Ко мне! – прорычал он. Всадники сломали линию, перекрывавшую вход на площадь, и устремились к своему командиру, оставив на окровавленной брусчатке несколько десятков тел, многие из которых шевелились.

– Надо уходить через Западные ворота – посоветовал симпон. – Дорога к ним пока безопасна. Я проведу.

– Вперед! – гаркнул сотник и прищпорил коня.

Похоже, удача снова улыбалась ему.

* * *

Гонорий плохо помнил, как долго он гонится за своим врагом, славянским волхвом Блудом – день, месяц или несколько лет. Только чувствовал всем телом – он здесь, совсем близко. Прячется, наблюдает, ждет, когда военачальник ослабнет, чтобы нанести удар в спину.

Ноги утопали в вонючей грязной жиже. Комары, величиной с воробья, облепили израненное ноющее тело и нещадно жалили. Деревья смыкались над головой густым шатром. Их плотные кроны закрывали небо, не пропускали ни единого лучика света. Воздух был тяжелый, спертый, влажный, с каждым шагом дышать становилось все сложнее. Но Гонорий усилием воли вытаскивал ноги из зелено-коричневой болотной массы и двигался дальше.

Время от времени он наступал на лианы, которые с истошным воплем обвивали голени и пытались утащить его в чащу леса, или хлестали по лицу и телу. Приходилось рубить их коротким мечом, гладиусом, который Гонорий судорожно сжимал в руке. Казалось, что рукоятка давно выросла в ладонь и стала продолжением его самого.

Иногда с деревьев свешивались толстые удавы с мутными желтыми глазами, и примеривались, как бы заглотить несчастного старого воина, но тот отгонял их, тыкал острием гладиуса в пасть и глаза, и рептилии отступали.

Темнота сгущалась, по земле пополз едкий туман. Он быстро затопил все окружающее пространство, растворил очертания фигур и предметов. Несколько раз из серого марева выпрыгивали бешеные гориллы. Они впивались белыми клыками в плечи, бока, бедра, колотили мускулистыми лапами, но гладиус не давал сбоя – вспарывал им животы, отрубал конечности, рассекал шеи. Болотная жижа пожирала их тела одно за другим. Но с каждой атакой сил оставалось меньше и меньше.

Отправив очередную волосатую тушу тонуть, Гонорий поднял глаза и увидел впереди очертания горы. Вот оно, это место. Дошел. Здесь и прячется Блуд. Отсюда посылает свой морок на Гонория, здесь сосредоточие его силы. Старый вояка двинулся вперед. Раз, два, три, четыре – вдох носом. Раз, два, три, четыре – выдох ром. Раз, два, три, четыре... Раз, два, три, четыре...

Чем ближе он подходил, тем яснее видел, что это не гора, а огромное капище, нагромождение холмообразных башен – одна выше другой. Все они выглядели заброшенными, их укрывали лианы, плющ и сухие стволы, но Гонорий чувствовал, что из сердцевины капища на него неотрывно смотрят.

Нога вместо топкой массы ступила на камень. Из болота вверх, к темному провалу входа поднималась узкая лестница. Бывший военачальник ощутил невероятное облегчение, ступив на твердую поверхность. Сапоги зашлепали по грубым ступеням. Перед зияющим прямоугольным отверстием Гонорий остановился, прислушался. Внутри тихо. Вытянул вперед руку с мечом и медленно ступил в маслянистую обволакивающую черноту.

Сначала не было никаких ощущений. Полное безмолвие и мертвость. Потом впереди забрезжил слабый свет, послышались звуки капающей воды. Через двадцать шагов Гонорий оказался в огромном круглом зале. Купол его частично обвалился и через пролом проникал рассеянный свет. На пол по лианам стекали тонкие струи. Все стены были испещрены скульптурами. Не было ни одной ладони²⁸, не покрытой статуями многоруких мужчин, слонов, лошадей, танцовщиц, человечков с головами слонов, быков, львов.

В центре зала находилось пустое возвышение, окруженное четырьмя столбами с шапкой из башенок, маковок и фантастических резных узоров.

²⁸ Ладонь – мера длины, равная примерно 7 сантиметрам.

Темнота стала медленно рассеиваться. Вокруг засветились очертания проходов. Десятки коридоров вели вправо, влево, вперед, назад. Обернувшись, Гонорий не смог различить из которого он пришел. Они выглядели идеально прямыми и бесконечными.

«Дворец тысячи путей» – подумалось Гонорию. «Если я войду в один, никогда не выйду наружу. Это все морок, наведенный Блудом. Нельзя поддаваться».

Но как найти волхва? Выбрать правильный коридор? Они все ложные, он это чувствовал. Остаться на месте и ждать? Нет, бездействие означает проигрыш. Третьего варианта разум предложить не мог. Оставалось положиться на ощущения. Гонорий закрыл глаза и прислушался к себе. Ничего.

А потом захотелось подойти к возвышению в центре. Он открыл глаза и приблизился к фигурным колоннам. Гонорий замахнулся и ударил мечом между каменных столбов. Пустота прорезалась тысячей трещин, раскололась и заискрилась. Раздался звон бьющегося стекла. Миллионы осколков рухнули на пол. На постаменте стоял Блуд – крупный, укутанный в звериные шкуры, с черепом кабана на голове. Бывший военачальник подцепил череп мечом, сбросил на пол и увидел бритую щетинистую голову Аспара.

По зданию прокатился мощный удар, за ним другой, третий, под землей зарокотало. С купола посыпались камни. Сверкнула молния и в провал хлынул ливень. Пространство вокруг исказилось, поплыло, завертелось. Блуд с головой Аспара закружился, словно лопасть мельницы, а когда остановился, оказался вверх ногами.

Вокруг проступили очертания приемного зала «Львиного камня». Возле волхва вниз головой ходили гвардейцы и какие-то люди. На круглой люстре горели светильники, отгоняя от Гонория тьму.

«Это все не настоящее, мне это кажется. Снова морок, наведенный волхвом. Его последняя попытка спастись от меня. Но я не верю этому. Не верю. Осталось совсем чуть-чуть».

– Претерпевший до конца спасется... – одними губами прошептал Гонорий.

– Господин, он еще шевелится – проговорил один из военных. Блуд подошел к дивану, взял с него длинный кнут, неспешно раскрутил над головой и щелкнул. Кожаная полоска метнулась к бывшему военачальнику, ужалила в горло.

И морок отступил. Блуд исчез, а вместе с ним гвардейцы, поместье, страдания, боль и несчастья. Одежда Гонория оказалась чистой и белой, как снег. Раны его исцелились, тело наполнилось жизнью – настолько целостной, глубокой и совершенной, что все предыдущее существование показалось сном.

Рядом с собой он увидел двух улыбающихся юношей в таких же блистающих одеждах. Чуть поодаль стояла жена – молодая, прекрасная и любящая, какой он ее и запомнил. Она протянула к нему руки и мягким журчащим голосом сказала:

– Гонорий, наконец-то ты дома...

ЧАСТЬ II

Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его

Глава 6 Пещера Минотавра

Из поместья выехали шестером: трое юношей, и трое сопровождающих. Кроме Константина с ними отправились Михаил и Александр. Эти слуги были давними боевыми товарищами. Иоанн часто видел их в «Серебряном озере», но ни с кем, кроме Константина, ни разу не разговаривал. О чем с такими людьми вообще можно говорить? Военная выправка отпечатана не только на фигурах, но на лицах и образе мысли. Они выдрессированы, чтобы исполнять приказы, а не думать. Во взгляде Александра еще было что-то разумное, а вот Михаил – чурбан чурбаном.

И самое отвратительное, что братец, Вэл, хочет стать таким же. Нет у него другой мечты, кроме как ходить строем, убивать, кого велют, по команде ложиться и по звуку рожка вставать. Неужели он не видит, как отупляет муштра? Ему застит глаза весь этот поэтический вздор – звон оружия, блеск доспехов, штурм крепостей, поединок с врагом на виду у всей армии, «лучше смерть на воле, чем жизнь в рабстве». Не видит, что знания ценнее храбрости. У Велизария весь ум на глупости тратится – мечом махать, да по девицам таскаться.

За ворота выехали со всеми предосторожностями – слуги осмотрели долину и подали знак, что путь свободен. От поместья поскакали на северо-запад – туда, где теснилась дюжина каменных холмов. Среди них можно было укрыться от соглядатаев из «Львиного камня».

Оказавшись под защитой скал, поехали медленней, петляя между известняковых башен, сточенных временем и дождями. Иногда в тишине раздавались странные звуки – что-то хрустело, чавкало. С вершин холмов сыпались камни, мерещились огоньки. Иоанну стало не по себе, и он прибег к помощи разума.

«Это либо животные, либо люди. Звери тут обитают неопасные – лисицы, дикие козы, горные зайцы. Иногда попадают волки, но нас много. Нападать они не станут. Из людского рода в скалах могут жить монахи или белые сирийцы. И те и другие мирные, безобидные создания, сами нас боятся».

От таких мыслей становилось легче, неизвестность рассеивалась. Вскоре холмы расступились, отряд выехал на равнину. Впереди показалось старое высохшее русло реки Алис. За ним лежал большой торговый тракт в Аспону, Анкиру и далее, до Константинополя. Теснина прорезала местность с севера на юг и оканчивалась у стен Ниссы. Ее крутые склоны и дно заросли кустарником, дикими яблонями и соснами.

Иоанн знал, что в нескольких стадиях к северу русло становятся более широким, а его откосы пологими. В этом месте можно было перебраться на другую сторону, не боясь свернуть себе шею, или угробить лошадей. Беглецы перестали таиться – они достаточно отъехали от «Львиного камня». Редкие холмы и деревья заслоняли от них поместье.

Когда добрались до перехода, на Иоанна снова налип страх. Огромная впадина была затоплена чернотой. В ее глубинах шелестели кроны деревьев. Русло напоминало гигантскую перевернутую на спину сколопендру, шевелящую ножками, готовую сожрать все, что в них попадет. Лезть к ней в пасть не хотелось. Но и выставить себя трусом, да еще в присутствии брата, было немислимо.

Всадники спешили, взяли коней под уздцы и начали спуск. Иоанн впился рукой в седло лошади, набрал в легкие побольше воздуха, как перед прыжком в воду, и двинулся вперед, глядя в спину Велизарию. «Если что-то произойдет, то с тем, кто идет первым» – успокоил себя он.

Шли молча. Мрак окутывал все плотнее. Камни под ногами лежали нетвердо, легко скатывались вниз. К тому же после снегопада было скользко. Речная пойма сильно заросла. Несколько раз приходилось останавливаться. Спуск продолжался после того, как Константин с товарищами прорубали путь мечами. Ветки все время хлестали по лицу и норовили выколоть глаз. Приключение, которого юноша так ждал, оказалось малоприятным, и напроць лишенным эпичности.

Когда вышли на дно русла, двигаться стало легче. Глаза привыкли к темноте и лучше различали, куда ступать. К тому же подъем всегда проще спуска – не боишься, что тебя увлечет вниз.

Вскоре между деревьев забрезжил просвет, показалась ровная местность. Иоанн приободрился. «Ничего страшного, всего лишь мелкое препятствие. Их еще будет предостаточно. Переход теснины ночью – самое простое из них» – философски заметил он.

Выходить на открытое пространство не спешили. Отряд остановился в тени диких яблонь. В нескольких саженях лежала широкая дорога, уходившая вправо, на север, и терявшаяся за холмами. За ней виднелись очертания пригородных поместий. Слева тракт упирался в Западные ворота Ниссы. Из-за городских укреплений слышались крики, шум, по улицам двигались люди с факелами.

Константин подал знак всем оставаться на месте и ждать. Ночная активность горожан Иоанна волновала мало. Есть сопровождающие, это их головная боль. Пусть сами разбираются. Его же влекла конечная цель путешествия – Школа профессоров Капитолия в столице.

С прошлого лета он планировал перебраться в Константинополь, но отец не пускал. Считал его слишком легкомысленным. Однако Фортуна, наконец, повернулась к юноше лицом, и посылала подарки один щедрее другого. Получилось не только улизнуть из поместья, но и приступить к лечению Вэла.

Иоанн считал, что истинное счастье, процветание, излечение от всех болезней людям может принести только разум. Нужно лишь понять источник недугов и бед, и нейтрализовать его. Вот и старшего брата он воспринимал, как больного. Суть его хвори заключалась в иллюзиях. Ему кажется, что без Ирины он не может жить, что вокруг враги, от которых нужно спасать Романию, что он похож на отца, и потому они во всем должны быть согласны. Велизарий не понимает очевидной истины: мы одиноки в этом мире. Вокруг нас – беспредельная космическая пустота. Никто не придет на помощь, не протянет из этой бездны руку. Нужно осознать это и смириться, пережить очищающий ужас столкновения с Неизвестным, в сравнении с которым ты просто ничтожная букашка. Хватит трепыхаться, как муха в паутине. Жить нужно свободно.

Первая стадия лечения прошла успешно. Неграмотная служанка подбросила Вэлу записку, составленную Иоанном, якобы от Ирины. Скопировать корявый почерк поварахи было несложно. Брат должен знать, что о нем на самом деле думают люди, ради которых он так старается. Судя по перекошенному лицу, на пристани он услышал достаточно.

Иоанн злорадно улыбнулся, но тут же одернул себя. Слишком радоваться не стоит, это не месть. Он врач, который прижигает раны, чтобы остановить заражение крови и спасти человеку жизнь. Иногда приходится делать людям больно, но это для их же блага. Медик должен наблюдать за процессами с холодной головой. Перед тем, как приступить ко второй стадии, нужно понаблюдать за эффективностью первой. Пусть пациент приходит в себя от болевого шока.

Слева вдалеке послышался скрип и топот. Иоанн пригляделся сквозь голые ветви яблони. Западные ворота Ниссы отворились. На дорогу выехало два десятка экскувитов. Их возглавлял офицер в лисьем плаще. Рядом с ним вертелся человек в кожаном доспехе и белой накидке, видимо из городской стражи. Гвардейцы прищипорили коней и поскакали в сторону «Львиного камня».

– По коням – негромко произнес Константин. – У нас есть возможность выехать из долины и скрыться за холмами. Будем надеяться, что погони не будет. В любом случае сегодня мы должны отъехать как можно дальше. Вперед, за мной!

Беглецы выстроились в колонну по двое и пустили коней в галоп. Первыми ехали Константин с Велизарием. Как самые опытные, они прокладывали путь. В середине – Иоанн и Орлик. С тыла прикрывали двое солдафонов, Михаил и Александр. Колонна выехала на широкий торговый тракт и помчалась на север, удаляясь от Ниссы.

Вскоре город скрылся за каменными холмами. Дорога стала виться между скал и взгорий, укутанных снегом. Несколько раз она подходила вплотную к старому руслу реки Алис, глубоко прорезавшему горную породу, превратившемуся в настоящий каньон. Переправиться через него здесь могли только птицы и горные антилопы. Потом тракт ушел влево и стал подниматься по пологому склону холма. Кони замедлили ход и перешли на рысь.

Ночь становилась все темнее. Облака медленно таяли, в них появлялись черные прогалыны неба. Волшебное мягкое свечение гасло, его поглощала безбрежная чернота космоса. Появилась луна. Она залила своим призрачным неясным светом пустое каменистое плато. Путники перевели коней с рыси на шаг.

– Дальше будет только темнее. При выезде из поместья нам очень повезло с погодой – негромко произнес Константин.

– Да, я вижу, как повезло. Мы самые счастливые люди в Романии – едко ответил Иоанн, кутаясь в плащ от пронизывающего ледяного ветра.

– Ты жив, и в этом твое счастье – ответил на выпад Константин. – Могло быть по-другому.

– Что-то я не вижу радости на лицах. Ты счастлив, Вэл? – прокричал он брату. Тот ничего не ответил. Похоже, даже не понял, что обращались к нему. – Спасибо за четкий ответ. А ты, славянин? Ты рад, что больше не раб, а свободный человек, и мерзнешь с нами, как настоящий ромей?

Юноша затравленно обернулся, не зная, что ответить.

– Я благодарен тебе, господин, за доброту и милосердие – пробормотал он.

– Благодарность и счастье – не одно и то же. И умоляю, не зови меня господином. Я сразу чувствую себя взрослым пузатым дядькой. Зови меня по имени, Иоанн.

– Да, господин.

– А как тебя самого зовут?

– Орлик, господин.

– Оорр-лик... – Иоанн посмаковал на языке рокочущие звуки. – Красивое имя. Что оно означает?

– Детеныш орла, господин.

– Вот как нужно называть детей! Чтобы веяло свободой и ветром в крыльях. А я Иоанн – «да смилостивится над тобою Господь» нарекли меня. Как проклинали. И не зови меня господином.

– Да... Иоанн.

Слева из темноты раздался протяжный, тоскливый волчий вой. Ему ответил другой, более отдаленный, настолько заунывный и злобный, что по спине пробежала дрожь.

– Может, зажжем факелы? – крикнул юноша Константину. – Волки боятся огня.

– Нельзя – отрезал тот. – Мы едем по вершине холма, и огонь будет видно на сотню стадий. Если за нами отправили погоню, то настигнут без труда. Лучше волки, чем гвардейцы.

Иоанн стал вглядываться в темноту, пытаясь рассмотреть голодных зверей. Сначала не было видно ничего. Затем во мраке показалась мерцающая пара глаз. Вторая. Третья. Четвертая. Смутное движение. Кто-то сопровождал их, бежал вровень с отрядом. Юноша повернул голову в другую сторону, и кожей ощутил, как его сверлит десяток враждебных желтых глаз. Он умолк и нервно впился ладонями в поводья. От нависшей тишины стало еще хуже – в ней улавливался едва различимый хруст. Это наверняка хищники обгладывали кости своих жертв. Иоанна замутило.

– Тебе плохо? – спросил Орлик. – Хочешь воды?

– Нет, просто в боку закололо – соврал Иоанн. Звук голоса славянина заставил его немного отвлечься. – Расскажи лучше, как ты оказался в Малой Азии. Тебя захватили в плен?

– Я здесь родился. А в плен захватили моего отца.

– Я с удовольствием послушаю. Хорошая дорожная история – это именно то, что сейчас нужно. Все вокруг слишком уныло молчат.

– Как прикажешь, Иоанн.

– Я не приказываю, а прошу.

– Хорошо, только я не умею красиво рассказывать.

– У нас есть множество скрытых талантов, о которых мы не подозреваем.

– Отца звали Вострый – то есть «наточенный», «бойкий».

– Он умер?

– Да, два года тому – негромко проговорил Орлик. – От стрелы.

– Его убили в поместье Гонория? – удивился Иоанн.

– Нет. В молодости его ранили в бок. Врач вытащил из тела только древко, а наконечник остался внутри. Думал, все равно умрет, и не стал особо усердствовать. Отец выжил.

– Вот она, хваленая ромейская медицина! – усмехнулся Иоанн. – Помогает только людям достойным, а пленникам и рабам от нее мало пользы.

– А ты хочешь, чтобы мы лечили наших врагов? – холодно спросил Константин.

– Зачем? Враги – это не люди – съехидничал в ответ юноша. – Пустьдохнут. А еще лучше душишь их сразу, в колыбели. Для верности.

– Я погляжу, как ты со своими врагами будешь расправляться – невозмутимо произнес Константин. Иоанн не ответил, задумался, но ненадолго.

– Что же ты замолчал? Продолжай.

– Он был сильный и по-настоящему свободный – также негромко начал вспоминать Орлик. – Он понимал язык зверей и птиц, умел читать знаки на небе и деревьях, знал, в каком растении какая сила заключена. Он умел лечить. К нему приходили за снадобьями все слуги в поместье. Господин Гонорий предоставил нам отдельный домик, чтобы он хранил там свои травы и осматривал захворавших. А еще он мог говорить с лошадьми. Они слушались его, и даже самые непокорные жеребцы позволяли ему объездить себя.

– Он бы нам очень пригодился сейчас – пробормотал Иоанн. – Я читал, что славяне превыше всего любят свободу, и не поддаются порабощению и господству. Они неохотно исполняют чужие приказания, и готовы скорее сносить обиды своих старшин, чем подчиниться ромейским законам. Как же Вострый оказался рабом Гонория?

– Его захватили в плен во время осады Фессалоник²⁹.

– Я помню это побоище – раздался сзади голос Михаила. – Я был среди защитников города. Думал, не выживу. Варваров было десятки тысяч, а нас – несколько сотен.

²⁹ Фессалоники – один из крупнейших городов Римской Империи, расположенный на греческом берегу Эгейского моря. Находился на пересечении дорог из Константинополя в Рим, и из Афин в Причерноморье. Имел стратегическое значение, как военный и торговый центр. Во время балканского расселения славян много раз подвергался нападениям и осадам.

«Наш чурбан заговорил» – пронеслось в голове у Иоанна. «Валаамова ослица отверзла уста. Душераздирающее зрелище».

– Славяне хотели найти себе прибежище, новую родину – ответил Орлик. – По всем Балканам их теснили ромейские войска. Им нужны были лишь кров и пища.

– Так это преподнес тебе отец? – снова прервал рассказ Михаил. – Лишь кров и пища? А что было бы с жителями Фессалоник после падения города? Скольких ромеев вы оставили бы в живых? Десять? Двадцать? Сотню? Или превратили бы их в рабов?

– Оставь юношу в покое – неожиданно резким, начальственным тоном приказал Иоанн. – Он не штурмовал городские стены, и не воевал с тобой. Его тогда на свете не было. Я попросил его рассказать интересную историю, и не дело слуг вмешиваться в господские разговоры. – Михаил умолк и обиженно засопел. – Продолжай, Орлик.

– Отец, и все его соплеменники мечтали поселиться в Солуни – так они называли этот город. Молва о красоте, богатстве и величии этого места разнеслась по всем Балканам. Славяне хотели сделать город своей столицей, своим Константинополем, прекратить войны и торговать с ромеями. Их предводитель Хацон пообещал осуществить эту мечту, и ему поверили. Все племена и народы объединились под его рукой. Поверил и отец. Он рассказывал, что когда прибыл в лагерь Хацона, то окаменел от изумления – такого моря людей он никогда не видел. Он взобрался на вершину самой высокой сосны, но и с нее не разглядел края лагеря.

– И ты думаешь, Хацон собрал такое войско, чтобы мирно попросить фессалоникийцев дать им хлеб и жилище? – спросил Константин.

– Это было не войско – взволнованно парировал Орлик. – Это были мирные жители: мужчины, женщины, дети, старики. На войну женщин не берут.

– Цивилизованные народы не берут. А варвары передвигаются всем племенем. К тому же у них женщины часто свирепее и страшнее мужчин. – Михаил и Александр загоготали. – Но продолжай, я тоже хочу послушать эту историю.

– Ночью на лагерь напали ромеи – большой отряд из Фессалоник. Они были на конях, облачены в железо и броню. Всадники хотели прорваться к шатру Хацона и убить его, но вождь ускользнул от них, поднял тревогу и сам начал преследовать врагов. За ним двинулся весь лагерь.

Утром отец предложил обогнать отступающий отряд по морю. На его зов откликнулось восемь сотен мужчин. Они сели в ладьи и пошли на веслах вдоль берега. Судьба была к ним благосклонна – ветер оказался попутным, и течение весь день гнало суда в нужную сторону. Но догнать отряд они так и не успели. В предзакатном солнце Вострый увидел, как всадники въезжают в городские ворота.

Ладьи остались у стен Солуни ждать подкрепления. Отец с товарищами заночевали в заливе Келларий. Утром их разбудил звук рогов и страшный рев. Город был окружен двумя морями: с одной стороны Эгейским, с другой людским. Славян там было не двадцать, а двести тысяч. И все они в один голос требовали выдать им головы всадников, которые вероломно напали на них. Но градоначальник горделиво отказал. «Скорее небо упадет на землю, и море превратится в горы, чем мы выдадим вам хоть одного ромея» – прокричал он со стены.

Тогда отец с товарищами сели в ладьи и пошли на штурм городских пристаней. Но коварные защитники не теряли времени зря. – В этом месте Михаил громко усмехнулся. Иоанн молча бросил на него ледяной взгляд. – Ночью они перегородили вход в гавань цепью, и нападающие оказались отрезаны от пристаней. Нужно было уничтожить эту преграду.

Ладьи разделились и направились к плотам, на которых держалась цепь. Ни Вострый, ни его товарищи не обратили внимания на плававшие вокруг рыбацкие лодки. Когда суда подошли вплотную к железной преграде, со стен посыпались огненные стрелы. Лодки оказались наполнены серой и смолой, они стали взрываться и полыхать. Огонь быстро перекинулся на ладьи, пожрал суда, паруса, людей....

Орлик замолчал и сглотнул комок в горле. Он шмыгнул носом, вытер соплю рукавом и продолжил.

– Отцу повезло. Пламя не задело его. Он прыгнул за борт и поплыл к берегу. Со стен летел дождь из стрел, но его они не задели. Вострый добрался до суши невредимым, и присоединился к своему народу. Остальные славяне видели, что случилось на море, и пришли в бешенство. Вот тогда и начался штурм Солуни.

Пятнадцать раз мы шли на приступ каменных укреплений. За это время солнце пять раз опускалось за горизонт, и пять раз поднималось. На шестой день утром ворота были выломаны, а защитникам ничего не оставалось, как обходить стены крестным ходом. Перед последним, шестнадцатым штурмом отец увидел, что с севера к нам движется подкрепление – большое, хорошо вооруженное славянское войско. Это племя жило в нескольких дневных переходах от города в собственном селенье. Их встретили радостными возгласами и бряцаньем оружия.

Однако эти братья по крови оказались вероломными отступниками, душепродавцами. Вместо того, чтобы отомстить за убитых и основать славянскую столицу на море, они повернули оружие против нас. Градоначальник Солуни щедро оплатил золотом нашу кровь. – Михаил снова усмехнулся, громко и радостно.

– Мы были сбиты с толку, запаниковали. В это время из проломленных городских ворот выехал закованный в железо отряд. Они врубались в нас, как нож вонзается в горло ягненка. Мечи обрушились на наши головы. Войско Хациона оказалось в тисках. Началась резня. Со стен вновь полетели тучи стрел. Одна из них вонзилась моему отцу в бок, но даже после этого он сумел зарубить трех всадников. А потом его ударили по голове, и он потерял сознание.

Победители особо с ним не церемонились, думали, не выживет. Но он оказался сильнее, чем ожидали. Его сделали рабом и отдали Гонорию, как военный трофей.

– А говорил, истории рассказывать не умеешь – восхитился Иоанн. – Отлично получилось!

– Ты все время говорил про славян «мы», а про ромеев «они». Ты до сих пор считаешь себя варваром, а нас врагами? – ровным голосом поинтересовался Константин.

– Ну как ты не понимаешь?! Эту историю рассказывал ему отец, наверняка не один десяток раз – вступился за Орлика Иоанн. – Он пересказывает ее, как запомнил. К тому же в тех событиях ромей и правда вели себя не самым лучшим образом. Мы вообще страдаем излишней гордыней, относимся к другим народам с презрением. Если бы славяне взяли Фессалоники, то смогли бы установить на Балканах лучшие порядки, чем царят там сейчас.

Краем глаза Иоанн заметил позади себя какое-то молниеносное движение. Раздался свистящий звук. Лошадь под ним вскинулась, заржала и встала на дыбы. Не ожидавший такого подскока юноша выпустил поводья и, кувыркнувшись через голову, упал на землю. Его гнедая припустила в галоп.

Ребра и левую руку пронзила тупая боль. В глазах расплылась белая пелена. Иоанн закричал и скрючился на земле. Казалось, весь мир вдруг уменьшился до размеров его тела, до пульсирующих мучительных ощущений. Когда пелена спала, и зрение прояснилось, юноша увидел ухмыляющееся лицо Михаила.

– Ты не ушибся, господин? – с издевкой спросил он. – Крепче надо держаться за поводья. И не пугать так лошадь.

– Прекратить – со сталью в голосе скомандовал Константин. – Еще раз такое повторится – высеку и отправлю обратно одного. Нам приказано доставить их в столицу живыми и невредимыми. Понятно?

– Да, господин – уныло ответили Михаил и Александр.

– Я не слышу. Понятно?

– Да, господин! – гаркнули они.

– Михаил, найти и вернуть жеребца. Не найдешь – отдашь своего и пойдешь пешком. – «Чурбан» пришпорил коня и рванул в темноту. – Сильно ушибся? – обратился он к Иоанну.

– Да... – простонал тот.

– Отлично. Надеюсь, будет по-настоящему больно, и ты поймешь, что дразнить сопровождающих не следует. Мы должны держаться вместе, иначе пропадем. Поэтому впредь придержи язык. Вставай.

Иоанн сел на каменистой земле, ощупал саднящую руку. Согнул ее и разогнул. Вроде не сломана. Когда вставал на ноги, бок пронзила острая боль.

– Осмотрим тебя позже, на привале. Сейчас задерживаться нельзя.

Вскоре раздался цокот копыт и из темноты выехал Михаил, ведущий за уздцы гнедого.

– Ушел не далеко – радостно крикнул он. – Зацепился поводьями о какой-то куст.

Иоанн перехватил вожжи и медленно забрался в седло. Тысяча иголок снова впиалась в левый бок. Юноша застонал, пришпорил коня, и отряд поехал в молчании.

Дорога пошла вниз, под горку. Путники спускались с широкого пологого холма. Впереди поднималась беспросветная масса взгорья. Она нарастала, расширялась и поглощала даже скудный свет луны. Из ночного марева иногда выныривали одинокие покосившиеся сосны. Они растопыривали угловатые ветви, тихо махали ими и исчезали в темноте.

В низине на изгибе дороги всадников встретила толстая, кряжистая чинара. Ее пузатый ствол разделялся на множество скрюченных лысых лап, тянувшихся к небу и таявших во мраке. Возле дерева Константин скомандовал остановиться.

– Спешивайтесь. Дальше пойдем пешком. За чинарой начинается тропа, которая выведет нас к месту ночевки.

Путники взяли лошадей под уздцы, выстроились в цепочку по одному и свернули с торного пути влево, в ложбину между двумя взгорьями. Идти пришлось медленно, петляя и обходя крупные камни и ямы.

Потрясение от падения с лошади прошло, и ушибленная рука стала безжалостно саднить. При каждом глубоком вздохе бок пронизывала острая боль, поэтому юноша старался дышать слабо, осторожно. Чтобы окончательно не потерять лицо, он запретил себе стонать. Скрипел зубами, кусал губы, но молчал. Руку прижал к животу и старался ею не шевелить. Иногда ненадолго закрывал глаза. Это доставляло небольшое облегчение: на несколько мгновений можно было забыть о внешнем мире и впасть в легкое забытие.

Константин вел отряд вдоль правого отрога холма, который постепенно становился все более крутым, и наконец, превратился в отвесную стену, иссеченную ветром. Тропинка пропала. Каменистая почва под ногами стала неровной. Снега в низине скопилось по-щиколотку. Скальные глыбы и кустарник наступали со всех сторон.

Иоанн держался из последних сил. Боль усиливалась. Ему казалось, что идут они уже много часов, и привала не будет никогда. Хотелось упасть на землю и больше не двигаться. Пусть делают что хотят, лишь бы не шевелиться. Но мысль о том, что его позор увидит Михаил, и поймет, что победил, жгла гораздо сильнее ушибов, придавала решимости. «Нет, не дождется. Я буду молчать, и идти, сколько потребуется. Нельзя показать этому чурбану, что он выше меня. Разум всегда побеждает грубую силу. Я докажу».

Преодолев большой валун, Константин повернул к отвесной скале.

– Добрались. Сейчас будет ночлег. – Подойдя вплотную, он достал из сумки факел и огниво, высек искры. Просмоленная пакля радостно занялась, затрещала. Управляющий осветил стену и что-то в ней нашел. – Михаил, Александр, помогите мне. – Втроем они взялись за большой деревянный щит жухло-грязного цвета и оттащили его в сторону. Если не знать, что он здесь стоит, то различить его на общем фоне было невозможно. За ним открылся зияющий проход в гору.

– Добро пожаловать в «Пещеру Минотавра».

Константин вместе с лошадей двинулся вперед. Факел осветил узкий высокий разлом в скале, достаточный, чтобы в нем шли рядом два человека. Сверху раздался писк, и над головами пронеслось несколько летучих мышей, потревоженных светом и дымом. Через дюжину шагов стены расступились, и путники оказались в высокой продолговатой пещере. Из стен торчали факелы, которые управляющий зажег. Взору Иоанна открылась пещера, шагов пятнадцать в ширину. Дальний её конец терялся во мгле. Вполне возможно, что она вела куда-то вглубь, а может заканчивалась через сотню шагов. Освещенная ее часть оказалась вполне ухоженной и пригодной для жизни. Слева и справа стояли два грубо сколоченных стола со скамьями. За ними во мраке виднелось несколько больших стогов с сеном, укрытых парусиной.

Заметив скамьи, Иоанн блаженно опустился на ближайшую, выпустил из рук поводья и закрыл глаза. Наконец можно было нормально сесть на неподвижную поверхность и расслабиться. Михаил с Александром задвинули деревянный щит, закрыли убежище изнутри. Затем привязали коней к железной скобе, торчащей из стены у входа, и принялись их расседлывать.

Велизарий взял несколько охапок сена и отнес лошадям. Орлик занялся ужином – достал из сумок сыр, хлеб и изюм, выложил все это на стол и принялся резать сыр.

Удостоверившись, что все заняты делом, Константин занялся осмотром Иоанна – велел раздеться до пояса. Он осмотрел повреждения и промыл их вином. Кожа на руке была содрана. В нескольких местах набухли кровоподтеки, но кисть и локоть сгибались хорошо. На ребрах же расплылся огромный синяк. Каждое движение вызывало острую боль.

– Похоже, сломано одно из ребер – вынес свой вердикт Константин.

– И что теперь? – с содроганием спросил Иоанн.

– Да ничего. Само срастется. Лучшее лекарство – свежий воздух и прогулки, а этого добра у нас в ближайшие недели в избытке. Впрочем, у меня есть кое-что еще. – Он порылся в дорожной сумке и достал небольшой глиняный горшочек с вонючей темно-бурой массой, и обильно покрыл ею ушибы. – Это мазь из бычьей желчи и ладана. Через два-три дня должно стать лучше.

Сверху приложил крупные темно-зеленые листья. Затем взял моток длинной узкой льняной ткани, и туго обмотал грудь.

Пожинав, Иоанн достал теплое дорожное одеяло, и с кряхтением забрался в один из стогов сена. Еда и отдых отняли у него последние силы. Казалось, если сейчас с факела на сено упадет искра и подожжет скирду, то он скорее сгорит живьем, чем пошевелит хоть одним пальцем. Закрывая глаза, он увидел, как Александр гасит огонь, а на соседнем ворохе укладывается спать Михаил.

«Я ничего не забыл» – подумал Иоанн, впадая в дрему. «У меня впереди достаточно времени. Холодная мечь приятней всего на вкус».

Глава 7

Прощеное воскресенье

День выдался по-весеннему теплым и ясным. Вокруг, насколько хватало глаз, лежала холмистая возвышенность, изрезанная ущельями и каньонами. Грязно-серые островки снега ютились в ямах и впадинах, жались к одиноко стоящим голым карликовым деревьям. Тонкий слой земли, покрывавший каменистое взгорье, быстро подсыхал, и из темно-коричневого становился песчано-бежевым. Из редких, попадавшихся на пути кустов, раздавалось беззаботное щебетание птиц. В воздухе витал запах талой воды и прошлогодней травы. На один из камней заползла гадюка и свернулась клубком – верный признак скорого потепления. Она подставила голову солнцу и неподвижно следила за путниками узкими черными зрачками.

Солнечные лучи приятно согревали кожаный нагрудник Константина, пробирались в темно-синие рукава верхней одежды, ласкали кожу. Но ветер оставался по-прежнему холодным. Управляющий думал о том моменте, когда можно будет, наконец, сменить утепленный шерстяной далматик на шелковый, а плащ из медвежьей шкуры на обычный, тканый. Он не любил зиму и холод – в четырнадцать лет подхватил болезнь, которую Гиппократ называл пневмония, и едва не умер. Поспорил с мальчишками, у кого крепче сила воли. Чтобы выбрать победителя, в середине января стояли в гавани Феодосия по колено в ледяной воде. Константин продержался дольше всех – три часа. А потом был жар, жжение в груди, хрипы, абсурдные видения и балансирование на грани жизни и смерти. Два месяца врачи не отходили от его кровати. Лишь летом он в первый раз смог выйти из дому.

Управляющий «Серебряного озера» вел спутников по горной незаселенной части Каппадокии. Сойдя с торгового тракта у чинары, больше они на него не вернулись – слишком опасно. По прямой до Аспоны был день пути. Сделав крюк, они доберутся за два—три. Константин пробирался этими местами не один раз. Приходилось и контрабанду доставлять, и особо ценные грузы сопровождать, и от недругов скрываться. Если ехать по взгорью, то путь был вполне ровный, не хуже, чем по мощеному тракту. Опасность представлял спуск с холмов и подъем. Чаще всего склоны были слишком крутыми, чтобы по ним проехали кони. Иногда пологие тропинки манили путников, но Константин знал, что спуститься по ним могли лишь горные антилопы и зайцы. И отряд петлял, искал проход в горном лабиринте.

«Пещера Минотавра» была последним убежищем. Дальше придется ночевать в одеялах, выставлять стражу. Зато доберутся до Аспоны никем не замеченными.

Спутников своих Константин разбудил с рассветом. Пока все готовились к отбытию, нужно было взбодрить Велизария. После отъезда из поместья он совсем захандрил – ни с кем не разговаривал, то злился, то грустил, скрипел зубами, чесал подбородок, а прошлую ночь вообще глаз не сомкнул.

– Пристегивай ножны к поясу, и пойдем – велел управляющий. – Хоть мы и в пути, занятия пропускать нельзя.

Юноша неохотно согласился. Из-за избыточного скопления черной желчи, у него случилась меланхолия, или мрачное помешательство. Известно, что болезнь эта доставляет не только душевные муки, но и своего рода удовольствие – меланхолик упивается собственным страданием, фантазирует, как трагично и прекрасно погибнет, после чего люди поймут, что были несправедливы к усопшему, станут публично каяться и рыдать над его бездыханным телом. Но самое приятное – можно жалеть себя и ничем полезным не заниматься, а предаваться лишь возвышенному самоедству. Этого допустить было нельзя.

Выйдя наружу, они церемонно раскланялись, стали в боевую позицию и принялись фехтовать. Сначала напал Константин. Рубящий удар в голову, в плечо, колющий в грудь,

в живот, снова рубящий в голову, ногу, плечо. Юноша вяло, но умело отбивался. Затем по заученной месяцами схеме перешел в такое же неохотное наступление.

Наставник заметил чуть в стороне большой камень, торчащий из земли, и, отступая, сместился вправо. Когда пришла его очередь атаковать, стал теснить воспитанника на булыжник. Через несколько шагов тот споткнулся, замахал руками и завалился на спину. Меч выпал из рук и отлетел в сторону. Константин приставил острие спаты к его горлу.

– Убит – холодно произнес он, и шлепнул холодным лезвием Велизария по макушке. Глаза ученика сверкнули гневом, он зло посмотрел на учителя и метнулся в сторону – перекатился к мечу, схватил его и подскочил на ноги. От былой расслабленности не осталось и следа. Теперь они медленно двигались друг напротив друга по кругу, словно в танце, выжидая удобного случая, чтобы напасть.

«Он раздражен и вспыльчив, это нужно использовать» – подумал Константин и сделал выпад. Ученик легко его отбил и попытался уколоть в ответ, но учитель закрылся от удара. Снова наскок, отражение, ответный наскок и защита. Еще раз.

– Ты дерешься, как девчонка – попытался спровоцировать он Велизария. – Моя старшая дочь и то дерется лучше.

– У тебя нет детей – парировал юноша. Он давно привык к тому, что во время фехтования учитель пытается разозлить его, и тем самым ослабить внимание.

– Есть. От первой жены.

– Почему же я ее никогда не видел? Тебе наплевать на дочь? Бросил ее на произвол судьбы? – Велизарий перешел в атаку.

– Она не мешают жить мне, а я не мешаю жить ей. – Константин без труда отразил нападение. По лицу юноши пробежала тень.

– Ты не хочешь, чтобы дети продолжили твой род? Не хочешь жить в них и своих внуках? – Мужчины снова заходили по кругу, готовясь к удару.

– Жизнь обрывается вместе с нами. Я могу существовать только здесь и сейчас. Ни в ком другом. Что пользы, если хорошо будет кому-то еще? Мне от этого ни сытно, ни голодно. Все, что мешает на пути, должно уйти. – Константин сделал вид, что увлекся философствованием, и слегка опустил меч. Велизарий тут же воспользовался этим и сделал глубокий выпад, метя в живот, но противник ловко отскочил и шлепнул юношу спатой в бок. – Опять убит.

Танец клинков возобновился.

– Значит можно совершать любые преступления, если тебя не поймают, и от этого будет выгода? – Юноша внимательно смотрел в глаза своего учителя.

– Преступлений не существует. Есть сильные люди и слабые. Сильные диктуют свои правила, живут в свое удовольствие, настоящей жизнью. Они вершат историю, их называют Великими. Слабые подчиняются и делают то, что прикажут. Законы и мораль – для них. – Константин снова напал и смял Велизария своим напором, заставил отступить к каменному отрогу. Под конец он выбил спату из его руки и с силой надавил острием меча в грудь. – Хочешь жить без страданий? Перестань ныть и будь сильным. Хочешь пресмыкаться? Тогда продолжай скорбеть о том, что тебя мало любили, или не поднесли чего-то на золотом блюде.

Велизарий упирался спиной в склон горы. Рука его загребла мелких камней с пылью.

– То есть в жизни нужно поступать вот так? – он метнул каменную крошку в лицо учителю. Тот вскинул руки, защищая глаза, и на мгновение убрал клинок от груди юноши. Этого времени было достаточно: Вэл метнулся в сторону, перекувыркнулся через голову и запрыгнул на возвышенность, сжимая в ладони меч. – А что, если найдется человек сильнее тебя? Съест, как лев буйвола. Что скажешь тогда?

Константин отряхнул лицо и снова стал нападать.

– Скажу, что у нас есть разум, который помогает отступить и дождаться более благоприятных условий. Лев силен, но сто буйволов его затопчут. Он ловок, когда голоден, и непово-

ротлив после обильного пиршества. Сражаться – это не просто махать клинком. Нужно видеть сильные и слабые стороны противника, продумывать свои действия на десять шагов вперед.

Короткая схватка окончилась отступлением Велизария.

– А как же Бог? Неужели и Его ты хочешь провести? «Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь».

– И где Он, твой Бог? Церкви вижу. Священников и епископов вижу. Чернь, которая спорит о догматах на рынках, вижу. А вот Бога не вижу. Сильный терзает слабого. Богачи приумножают свои сокровища. Бедняки мрут от голода. Армия наша грабит ромеев. Огнепоклонники захватывают православные святыни. Императора Маврикия, который столько полезного сделал для Империи, разрубили на куски, и перед казнью заставили смотреть, как убивают его собственных детей. Теперь нами правит сотник Фока – это мерзкое животное, это бешеное египетское привидение, эта уличная собака, которая бегаёт по мясным рынкам за костями. Где же здесь Бог?

Ответить на это Велизарий не смог. Константин пробивал оборону ученика снова и снова, гонял его по ущелью, пока тот не признал свое поражение. После такого урока юноша продолжал путь хоть и молча, но без меланхолии. Печаль сменилась задумчивостью.

«Пусть думает. В нем есть отличные задатки, нужно только их развить» – рассуждал Константин, глядя, как подопечный едет рядом. «Он может оказаться полезен для моего дела. У него есть сила, ловкость, зачатки ума, мужская красота. Эти качества нужно ограничить, и получится редкий бриллиант».

Следующие несколько часов ехали по длинному протяженному холму. Спуск с него оказался на удивление мягким, пологим и широким. Солнце перевалило за середину небосвода. Иоанн стал жаловаться, что давно ничего не ел.

– Потерпи – ответил Константин. – Нам нельзя задерживаться. Проголодался – найди что-нибудь в сумке. Там, кажется, были яблоки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.